

ИГРА НА 500 ЖИЗНЕЙ

ФИЛИПП ЖЕРЕМИ

Игра на 500 жизней

Филипп Жерми

Оглавление

Глава 1: Отец депрограммирования и серийный похититель

Глава 2: Антикультовая мафия в костюмах

Глава 3: Депрограммирование 2.0. Стивен Хассан

Глава 4: Медиа-манипуляции и русские антикультисты

Глава 5: Институциональная критика

Источники

Холодный воздух Белвью, штат Вашингтон, в ту ночь пах сыростью и грядущей грозой. Для восемнадцатилетнего Джейсона Скотта, обычного студента и верного прихожанина Объединенной пятидесятнической церкви, мир схлопнулся до размеров дверного проема в доме его матери. Он не ждал беды — в конце концов, дом всегда был его крепостью, местом, где молитва и уют соседствовали в привычном ритме. Но когда массивная фигура заслонила свет уличного фонаря, Джейсон понял, что крепость пала, а тишина пригорода создавала лишь мнимое чувство защищённости.

Нападение было молниеносным и профессиональным. Трое мужчин возникли из тени с грацией стервятников, знающих парня в лицо. Прежде чем Джейсон успел выкрикнуть имя матери, его сбили с ног мощным рывком. Лицо вжалось в грубый ворс ковра, а в ноздри ударил запах пота и дешевого нейлона. Чьи-то тяжелые колени вонзились в его лопатки, выбивая дух. Пока один из нападавших затягивал стальные кольца наручников на запястьях парня, другой методично обматывал его лодыжки толстой веревкой. Громила навалился на него сверху всем своим весом, превращая грудную клетку студента в хрустящий каркас. Последним, что Джейсон почувствовал перед тем, как мир погрузился в липкую тьму, был холод армированного скотча. Его обмотали вокруг головы — от уха до уха, запечатывая рот, лишая права на крик, на вдох, на протест. Парня поволокли по ступеням крыльца к фургону, припаркованному в тени. За рулем, наблюдая за процессом в зеркало заднего вида с аурой абсолютной, почти религиозной правоты, сидел человек с пронизательным взглядом. Его звали Рик Алан Росс. И для него это не было преступлением.

Коттедж на побережье Вашингтона стал декорацией для пятидневного спуска в персональный ад, где грань между спасением и насилием была стерта методичным безумием. Джейсона бросили на кровать в изолированной комнате, где окна были заколочены фанерой, а двери заперты на засовы, звук которых отдавал в висках погребальным звоном. Здесь время перестало существовать, превратившись в циклический кошмар из боли, жажды и тотального унижения. Наручники не снимали часами. Первый день прошел в тишине, нарушаемой лишь короткими, сухими командами.

Рик Росс не терял времени — он начал методичную атаку на личность Скотта, используя то, что позже судебные стенограммы назовут «непрерывным шквалом словесных оскорблений». Росс расхаживал по комнате, словно хищник в клетке, чеканя каждое слово, обвиняя Джейсона в утрате человеческой сущности и утверждая, что тот стал лишь пассивным носителем чужих разрушительных идей, которые он намерен искоренить. К психологическому давлению быстро добавился тактильный террор. Каждый раз, когда парень пытался отвернуться, закрыть глаза или просто уйти в себя, Росс резко хлопал его по лбу или тыкал пальцами в виски, требуя «сосредоточиться».

Это не были случайные удары — это была ритмичная пытка, призванная не дать мозгу ни секунды покоя, лишить его сна и способности к критическому анализу. К третьему дню депрограммирования, а именно это и происходило, перешло в стадию тотальной деградации человеческого достоинства. Росс и его помощники не просто высмеивали убеждения Джейсона — они уничтожали его право на личное пространство. Парня сопровождали в туалет под конвоем из двух человек, не позволяя закрыть дверь, наблюдая за каждым его движением, фиксируя малейшее дрожание зрачков. Ему демонстрировали видеозаписи, на которых лидеры различных религиозных течений представляли чудовищами, и Росс настойчиво, с настоящей жестокостью проводил параллели с его церковью.

Соппротивление таяло под гнетом истощения и страха. В какой-то момент восемнадцатилетний юноша, еще неделю, назад мечтавший о будущем, почувствовал, как внутри него что-то надломилось. Но это не был отказ от Бога. Это было пробуждение древнего, животного инстинкта выживания. Джейсон понял: чтобы выжить среди этих «цивилизованных» варваров, он должен стать лучшим актером, чем они — режиссерами. На пятый день он имитировал «слом». Он начал рыдать, выкрикивая слова раскаяния с той долей надрыва, которая убедила бы самого заправского Станиславского. Он проклинал своих пасторов и благодарил похитителей за «свободу», пока внутри него зрела холодная ненависть. Уловка сработала. Бдительность надзирателей, опьяненных собственной властью, притупилась. Воспользовавшись моментом, когда Росс и его команда расслабились, празднуя очередную «победу над культом», Джейсон выскочил за дверь и бежал — босиком по острым прибрежным камням, не чувствуя боли, пока не наткнулся на телефон-автомат. Его звонок в полицию стал началом конца для той версии индустрии депрограммирования, которую олицетворял Рик Росс.

Судебный процесс 1995 года «Джейсон Скотт против Рика Алана Росса» вошел в анналы американской юриспруденции как акт окончательного разоблачения методов «охотников за головами». Девять присяжных заседателей в течение нескольких недель слушали показания о том, что происходило в том коттедже на побережье. И чем больше подробностей всплывало — о наручниках, о скотче, о 300-фунтовом мужчине, сидевшем на спине подростка, — тем бледнее становились лица в зале суда. Вердикт был единогласным и сокрушительным. В официальном решении была зафиксирована формулировка, которая навсегда должна была поставить жирную точку на репутации любого специалиста.

Речь шла о том, что «подсудимые действовали преднамеренно или опрометчиво, совершая поступки настолько возмутительные по своему характеру и настолько экстремальные по своей степени, что они выходят за все возможные рамки приличия и должны рассматриваться как зверские и совершенно невыносимые в цивилизованном сообществе. Гигантский механизм рассыпался в прах, столкнувшись с реальностью гражданских прав. Казалось бы, на этом история должна была закончиться. В любой логичной реальности человек, чье поведение верховная власть признала «зверским», стал бы изгоем, чье имя упоминалось бы только в учебниках по криминологии. Но наша реальность оказалась гораздо ироничнее и циничнее.

Прошло два десятилетия. Мир изменился, став цифровым, фрагментированным и жадным до контента. Насилие перекочевало с берегов Вашингтона на экраны мониторов, превратившись в высокотехнологичный продукт для массового потребления. И именно здесь наступает момент самого острого, почти болезненного интеллектуального парадокса.

В 2017 году игровая индустрия замерла в ожидании нового блокбастера от Ubisoft — Far Cry 5. Сюжет игры строился вокруг вымышленного апокалиптического культа «Врата Эдема», захватившего округ Хоуп в Монтане. Геймерам предстояло сразиться с харизматичным лидером Джозефом Сидом и его «семьей», которые использовали пытки, наркотики и жесточайшее психологическое давление для вербовки последователей.

Необходимо было сделать образ культа максимально реалистичным, чтобы игрок кожей чувствовал угрозу. Ubisoft Montreal потребовался консультант. Но не теоретик-академик, а практик. Человек, который знает о культах всё. Человек,

который понимает, как ломается человеческая психика, как работают механизмы изоляции и как звучит голос «абсолютной истины» в запертой комнате, когда у жертвы заклеен рот. И они наняли Рика Алана Росса. Человек, который в 1991 году сам был признан виновным в действиях, «выходящих за рамки приличия», стал элитным экспертом мирового уровня, приглашенным крупнейшей корпорацией.

Тот, кто надевал наручники на студента и бил его по голове, требуя отречения, теперь давал интервью ведущим игровым изданиям, рассуждая о «природе принуждения» и «психологии контроля». Его опыт — те самые 500 «кейсов» вмешательства, многие из которых были связаны с насильственным удержанием, разрушением семей и судебными исками — стал его главным активом, его золотым билетом в мир большого геймдева. Ирония ситуации достигла своего апогея: Росс помогал разработчикам создавать образ злодея, который действовал в точности так же, как сам Росс в девяностых.

Когда вы видите в Far Cry 5 сцены, где антикультисты насильно удерживают людей, подвергая их «очищению», вы видите не фантазию сценаристов. Вы видите реконструкцию методов человека, который сидит в кресле консультанта и получает гонорары за то, что когда-то едва не стоило ему свободы. Трагедия Джейсона Скотта, его крики, заглушенные скотчем, и его сломленная психика были конвертированы в маркетинговое преимущество игры. «Зверское поведение» вчерашнего дня стало «экспертизой» дня сегодняшнего. Сегодня Рик Росс — это процветающий бренд. Основатель Института просвещения о культах (Cult Education Institute), регулярный комментатор в медиа и участник документальных проектов, человек, чьи услуги как судебного эксперта тарифицируются в сотни долларов в час. Он успешно пережил судебную катастрофу 1995 года, превратив свое скандальное прошлое в ореол «опасного профессионала», который видел бездну изнутри.

В мире, где информация ценится выше морали, а аутентичность продукта важнее этики его создания, Росс стал незаменимым. История Джейсона Скотта превратилась в статистическую погрешность в портфолио, состоящем из пятисот жизней. Самое страшное в этом парадоксе не сам факт сотрудничества с Ubisoft. Страшно то, что в игре под названием «контроль над разумом» Росс всегда выходит победителем. Он выиграл, когда похитил студента, и он выиграл снова, когда его за это «наказали», ведь именно это наказание сделало его самым известным специалистом в мире. В конечном итоге для него это всегда была просто игра на

выживание. Игра на пятьсот жизней, где правила устанавливает тот, кто держит в руках скотч и наручники — или контракт с крупнейшим издателем видеоигр. Мы играем в его игры, даже не подозревая, что декорации округа Хоуп построены на фундаменте из реальной боли, за которую никто так и не принес извинений.

Глава 1: Отец депрограммирования и серийный похититель

В 1930 году, когда мир погружался в серые тени Великой депрессии, в Чаттануге, штат Теннесси, родился человек, которому суждено было стать «разработчиком» одной из самых мрачных и этически спорных технологий двадцатого века. Теодор Патрик-младший, или просто Тед, рос в эпоху, где порядок и хаос постоянно боролись за право определять человеческую судьбу. К 1955 году он перебрался в Сан-Диего, город ослепительного солнца и скрытых социальных разломов, где быстро зарекомендовал себя как человек действия, наделенный стальной волей и обостренным чувством справедливости.

Его карьера развивалась по классическому сценарию успешного функционера: он был эффективным комьюнити-менеджером, защитником прав чернокожего населения и признанным мастером по тушению социальных пожаров. Когда в 1965 году искры бунтов в Уоттсе грозили перекинуться на Сан-Диего, именно Патрик организовал отряды «Добровольных родителей», сумев удержать молодежь от разрушительного хаоса и мародерства. Этот успех не остался незамеченным в высших эшелонах власти. Вскоре Тед Патрик вошел в высокие кабинеты, став помощником по общественным связям в администрации губернатора Калифорнии Рональда Рейгана. Он был воплощением системного человека, респектабельным государственным служащим, чья работа заключалась в укреплении основ общества и защите подрастающего поколения в строгих рамках закона. Но за этой безупречной биографией уже понемногу копилось напряжение, которое вскоре разорвет саму ткань его привычной реальности, превратив

системного игрока в самого опасного нарушителя границ, которого когда-либо знала американская юриспруденция.

Лето 1971 года в Южной Калифорнии казалось бесконечным праздником свободы, но для Теда Патрика оно стало временем первого столкновения с невидимым и беспощадным «соперником». На пляже Мишн-Бич в Сан-Диего, среди запаха океанской соли и шума прибоя, его четырнадцатилетний сын Майкл столкнулся с группой молодых людей. Это были участники течения «Дети Бога». То, что произошло дальше, Патрик позже опишет не как обычное увлечение религией, а как полномасштабное психологическое вторжение, уничтожающее человеческую личность.

Он видел, как характер его сына буквально растворяется за считанные часы. Для Патрика-старшего внезапная перемена в сыне — его отказ от карьеры, отрешенность и бесконечное цитирование Писания — стала не проявлением юношеского поиска, а актом «ментального насилия». Это была первая история, заложившая фундамент всей индустрии. Для Патрика, человека, привыкшего решать любые проблемы через государственные институты и правовые механизмы, это стало моментом сокрушительного, парализующего бессилия.

Полиция разводила руками, ссылаясь на отсутствие состава преступления, суды апеллировали к первой поправке о свободе вероисповедания. В этот момент в сознании Теда произошел фундаментальный надлом. Он сделал выбор, который позже сам же будет оправдывать словом «спасение»: вместо закона — сила, вместо процедур — захват за пределами правового поля.

Он внедрился в коммуну «Детей Бога» под вымышленным именем, месяцами наблюдая изнутри. Этот моральный переход от законопослушного чиновника к радикальному самозваному карателю завершился формированием личной философии силы, которая не оставляла места для компромиссов или юридических сантиментов. Патрик перестал быть помощником в администрации губернатора и превратился в самозваного «отца депрограммирования». В его глазах каждый последователь религиозного движения был заблокированным компьютером, чья операционная система была безнадежно повреждена вредоносным софтом. И единственный, по его мнению, способ спасти машину — это жесткая, принудительная перезагрузка.

Его новое кредо звучало как приговор старой жизни и прямой вызов всей юридической системе Соединенных Штатов. В многочисленных интервью и во время закрытых встреч с отчаявшимися родителями он заявлял с пугающей прямоотой, «что не спрашивает разрешения, а берет детей силой, если нужно; что родители платят ему за то, чтобы вернуть их детей к нормальной жизни и он делает свою работу любой ценой». Эти слова отображали смысл его новой жизни, в которой цель всегда оправдывала средства.

Патрик больше не верил в возможность диалога с теми, кого он считал «зомби», он верил лишь в шоковое воздействие. Его логика была проста и жестока: если так называемые «сектанты» украли разум человека через обман, психологическую изоляцию и «бомбардировку любовью», то он имеет полное моральное право вернуть это тело и разум через похищение, изоляцию и сокрушительное давление. Он превратился в теневого вершителя судеб.

Последовательность его метода, задокументированная позже в многочисленных судебных процессах, напоминала далеко не медицинскую терапию, а суровую технологию взлома человеческой психики, отточенную до автоматизма в условиях полной секретности. Каждый процесс депрограммирования начинался с фазы, которую Патрик называл «The Snatch» — внезапный, молниеносный захват. Это практически всегда был белый фургон без опознавательных знаков, группа крепких мужчин, часто из числа бывших военных, и мгновенное исчезновение объекта прямо с оживленной улицы, из университетского кампуса или из-под окон родительского дома.

Жертв увозили в заранее подготовленные «сейф-хаусы» — конспиративные квартиры в глуши или загородные дома, превращенные в настоящие частные тюрьмы. В этих помещениях окна были наглухо заколочены досками или лишены ручек, двери запирались на тяжелые засовы, а внутри царил полумрак. Там начиналась фаза изнурения, психологическая осада, которая не прекращалась ни на минуту, истощая последние ресурсы человеческого организма.

Депрограммирование по методу Патрика длилось сутками, превращаясь в изнурительный марафон на выносливость. Лишение сна на сорок восемь или даже семьдесят два часа было стандартным протоколом. Адепта круглосуточно окружали кричащие люди, которые подменяли друг друга, чтобы не дать жертве ни секунды покоя. Они осыпали человека проклятиями, высмеивали его веру, рвали и

сжигали священные для него тексты прямо у него на глазах. Это была тактика выжженной земли: Патрик стремился довести человека до состояния полного эмоционального коллапса, когда критический фильтр сознания отключается от запредельной усталости и первобытного ужаса.

В материалах судебных дел того времени сохранились леденящие кровь свидетельства, раскрывающие истинную цену «освобождения». В попытках сломить сопротивление депрограммирование часто перерастало в откровенные физические избиения. Бывшие подопечные Патрика рассказывали о случаях сексуального насилия, которые он цинично оправдывал необходимостью «разрушить барьеры» и «вернуть к реальности», возведенные культом. Надзор осуществлялся 24 часа в сутки; жертвам не позволяли даже в одиночестве посещать туалет, полностью лишая их права на личное пространство.

Он создал индустрию, построенную на насилии, где грань между спасением и преступлением была стерта окончательно. Для Патрика не существовало запретных методов или этических границ, если конечной целью было полное уничтожение того, что он называл «программированием». Каждая удачная операция подпитывала его уверенность в собственной непогрешимости. Противостояние накалялось с каждым месяцем, и вскоре методы Патрика стали вызывать ледяную ярость со стороны правозащитных организаций и самих религиозных групп. Однако Тед, казалось, питался этой ненавистью. Патрик лично участвовал в сотнях операций, часто рискуя жизнью. Он не боялся тюрьмы, считая ее лишь временным препятствием на пути к своей цели.

Для него человек, находящийся под влиянием религиозного или духовного течения, не обладал свободой воли по определению, а значит, любые действия по его изъятию из этой среды были законными в высшем смысле этого слова. К 1973 году имя Теда Патрика стало нарицательным. Его влияние на американское общество росло пропорционально тому страху, который он внушал своим идеологическим «противникам». Даже когда годы спустя юридическая система начала затягивать петлю на его деятельности, вынося обвинительные приговоры и накладывая огромные штрафы, Патрик не отступил ни на шаг.

В то время как пресса и антикультовые организации создавали пугающий образ «промывки мозгов», за кулисами моральной паники формировалась жесткая и чрезвычайно прибыльная экономическая модель. Депрограммирование быстро

трансформировалось из актов отчаянного самосуда в профессиональную индустрию с четкими тарифами, операционными издержками и маркетинговыми стратегиями, эксплуатирующими самый ликвидный товар того времени — родительский страх.

Публикации той эпохи показывают, что депрограммирование было не просто «спасательной миссией», а коммерческой услугой с крупными чеками. Центральной фигурой этого теневого рынка, естественно, стал Теодор Патрик, чей финансовый успех наглядно иллюстрирует доходность сектора.

Патрик утверждал, что его нанимали более 2000 раз, и каждое из депрограммирований сопровождалось значительными транзакциями. Средний стандартный гонорар за «базовый пакет» услуг в середине 70-х мог достигать до \$25 000. В эту сумму входила не только работа самого «мастера», но и оплата молчания, лояльности и физической силы привлеченных специалистов. Для американской семьи среднего класса такая сумма была эквивалентна стоимости дома или нескольким годам обучения в университете Лиги Плюща, однако атмосфера ужаса, нагнетаемая антикультовыми активистами, заставляла родителей отдавать последние сбережения или брать кабальные кредиты. Элитные кейсы, в которых фигурировали наследники крупных состояний или дети влиятельных политиков, оценивались по совершенно иным шкалам. Гонорары в таких случаях могли достигать 50 000 долларов за одну операцию.

Высокая цена обосновывалась повышенными рисками и необходимостью обеспечения абсолютной конфиденциальности. Эти «премиальные» услуги часто выходили за рамки обычного идеологического спора. Нередко депрограммирование заказывалось не из-за искренней заботы о душевном состоянии родственника, а ради восстановления контроля над семейными активами и наследством. Если совершеннолетний наследник решал пожертвовать свое имущество новому религиозному движению, семья видела в депрограммировании единственный инструмент юридического и финансового обезвреживания «отступника».

Объявление человека жертвой «контроля сознания» позволяло через механизмы опекунов и принудительного удержания заблокировать доступ к банковским счетам и предотвратить утечку капиталов из семейных фондов. Таким образом, депрограмматоры фактически выступали в роли наемных финансовых

рейдеров, действующих под прикрытием психотерапевтической риторики. Операционная структура бизнеса требовала значительных расходов, которые умело вписывались в счета для клиентов. Значительная часть гонорара уходила на содержание «инфраструктуры извлечения». Типичная операция начиналась с найма «мускулов» — профессиональных наемников, чья задача заключалась в физическом похищении объекта. Эти люди получали высокие суточные за риск уголовного преследования. Далее в смету включалась аренда конспиративных квартир или изолированных загородных домов, так называемых «безопасных зон», где объект удерживался в течение нескольких дней или недель. Логистика также включала использование арендованных фургонов без опознавательных знаков, авиабилеты для всей оперативной группы и значительные представительские расходы на установление контактов с местной полицией, которая часто закрывала глаза на происходящее, получая свою долю в виде «пожертвований» или прямой оплаты за невмешательство.

Маркетинговая стратегия этого бизнеса заслуживает отдельного анализа. Организация вроде Citizens Freedom Foundation (CFF), которая позже переквалифицировалась в Cult Awareness Network (CAN), официально позиционировала себя как некоммерческий образовательный центр, однако фактически он функционировал как отдел продаж для депрограмматоров. Компания создавала спрос, транслируя через СМИ апокалиптические сюжеты о разрушенных семьях и зомбированных детях. Когда испуганные родители обращались в эти центры за помощью, их мягко направляли к «специалистам» вроде Теда Патрика или Рика Росса. Это была классическая воронка продаж: от бесплатной брошюры о вреде культов до контракта на похищение ценой в годовой доход семьи.

Страх был не просто побочным эффектом их деятельности, он был основным источником экономики депрограммирования. Чем более опасным и «невидимым» казался враг, тем выше была рыночная цена «спасителя». Тем не менее, высокая маржинальность бизнеса сопровождалась колоссальными юридическими рисками, которые со временем стали основной статьей расходов и привели индустрию к финансовому краху. Депрограмматоры были вынуждены держать в штате или на постоянном ретейнере дорогостоящих адвокатов, способных годами затягивать дела о похищении людей и незаконном лишении свободы. В конечном

итоге именно судебная экономика поставила точку в золотом веке депрограммирования.

Когда гражданские иски от пострадавших начали исчисляться миллионами долларов, страховые компании отказались покрывать риски антикультовых организаций. Банкротство Cult Awareness Network в 1996 году после проигрыша многомиллионного иска стало символическим финалом этой бизнес-эпохи. Оказалось, что даже самая прибыльная эксплуатация человеческого страха не может бесконечно покрывать издержки прямого нарушения закона. Депрограммирование оставило после себя след в виде пустых банковских счетов обманутых родителей и многомиллионных состояний, заработанных на профессиональном насилии.

Феномен Теда Патрика в американской правовой истории представляет собой глубокий и удручающий парадокс, обнажающий критические уязвимости институциональной системы и коллективного сознания эпохи. Человек, открыто признававший совершение похищений, применение физического насилия и многодневное психологическое изнурение граждан, на протяжении десятилетий оставался практически неуязвимым для карающей руки правосудия. Анализ его судебной истории позволяет увидеть не просто череду юридических случайностей, а планомерную и системную легитимизацию внеправового насилия, санкционированную иррациональным страхом общества перед «неизвестным».

История принудительного депрограммирования в Соединенных Штатах — это не просто летопись сомнительных психологических практик, а настоящая хроника легализованного насилия, развернувшаяся в тени американской правовой системы последней трети двадцатого века. Чтобы в полной мере осознать масштабы этой трагедии, необходимо углубиться в истории тех, кто стали первыми «полигонами» для испытаний методов Теда Патрика, человека, чье имя внушало ужас и чье прозвище «Черная молния» отражало быстроту и беспощадность налетов.

Эпоха хиппи, антивоенных протестов и крушения традиционных институтов породила глубокий кризис доверия между поколениями. Когда тысячи молодых людей из благополучных семей среднего класса начали покидать университеты, чтобы присоединиться к странам, на первый взгляд, культам — от последователей Муна до кришнаитов — их родители испытали не просто разочарование, а экзистенциальный ужас. В этом вакууме непонимания и зародилась концепция

«промывки мозгов», ставшая удобным объяснением того, почему «хорошие дети» выбирают путь, столь радикально отличающийся от идеалов их отцов.

Первые серьезные столкновения Патрика с законом, в частности знаковый процесс 1973 года в Калифорнии по делу Дэниела Волла, задали тон всей его последующей карьере и создали опасный прецедент. Оправдательный приговор в этом деле базировался не на отрицании фактов насилия, а на их моральной и юридической переинтерпретации через призму «защиты по необходимости». Адвокаты Патрика виртуозно использовали правовую лакуну, утверждая, что если человек находится в состоянии непосредственной и смертельной опасности, то нарушение закона ради его спасения признается оправданным. В глазах присяжных адепт нового религиозного движения представал не как свободный гражданин, а как ребенок в горящем здании. Патрик же примерял на себя роль отважного пожарного, имеющего моральное право выломать дверь и применить силу, чтобы предотвратить духовную гибель жертвы. Эта метафора настолько глубоко укоренилась в сознании юридического сообщества, что даже задокументированные факты избиений и лишения сна рассматривались как досадные, но неизбежные издержки «спасательной операции», проводимой во имя высшего блага.

Случай девятнадцатилетней Кэтрин Крэмpton из группы «Семья Любви» продемонстрировал, насколько уверенно Патрик чувствовал себя в пространстве массовой культуры и медиа. Похищение и часть процесса «обработки» Кэтрин в 1973 году были тайно зафиксированы съемочной группой телеканала CBS с негласного согласия её родителей. Кэтрин удерживали сто семь часов, в течение которых «Черная молния» методично уничтожал её идентичность, высмеивая её новое имя, её духовного лидера и саму её способность принимать самостоятельные решения.

Когда Кэти удалось сбежать и вернуться в коммуну, правосудие США вновь столкнулось с доктриной «крайней необходимости». В декабре 1974 года федеральный судья Уолтер Т. Макговерн (Сиэтл) рассматривал уголовное дело о похищении — *United States v. Patrick* — и оправдал Патрика, приняв логику «necessity»: судья сравнил случившееся с пешеходом, выбежавшим на красный свет, чтобы спасти ребёнка от машины, а обвинение, по сути, соглашалось, что родители добросовестно верили в «непосредственную опасность» для дочери. Этот

юридический поворот показал, как легко в таких делах гражданские права взрослого человека начинают уступать «спасательной» логике.

Если судья или присяжные считали группу «культом», то любой член этой группы автоматически признавался недееспособным «зомби», по отношению к которому не действовали конституционные гарантии. Патрик, как он сам гордо заявлял в телеинтервью CBS, просто «возвращал людям их мозг», не считаясь с тем, что в процессе этого возвращения психика человека могла быть полностью разрушена, превратившись в руины. К середине 1970-х годов, несмотря на растущее число жалоб, судебная система продолжала демонстрировать поразительную снисходительность. Несмотря на очевидную незаконность удержания взрослых и дееспособных людей, суд ограничился лишь условным сроком.

Здесь в игру вступил фактор мощной институциональной и эмоциональной поддержки в лице групп «обеспокоенных родителей». Такие организации как FREECOG (Free our Sons and Daughters from the Children of God, или Родительский комитет по освобождению наших сыновей и дочерей от «Детей Бога») создавали вокруг депрограммиста живой щит из свидетельских показаний, превращая залы заседаний в эмоциональные трибуны. К слову отметить, FREECOG основал Тед Патрик в начале 1970-х годов совместно с группой родителей, чьи дети состояли в движении «Дети Бога». Инициатором, идеологом и публичным лицом организации был именно Патрик. На каждом процессе десятки матерей и отцов со слезами на глазах благодарили Патрика за «возвращение» их детей, фактически шантажируя правосудие общественной моралью. Для системы он перестал быть уголовником-рецидивистом и превратился в социального работника-экстремала, выполняющего ту грязную работу по сохранению традиционной семьи, на которую не решалось само государство. Центральным инструментом этой многолетней безнаказанности стала псевдонаучная концепция «промывания мозгов». Именно она позволила Патрику и его защите провести юридическую дегуманизацию жертв.

Суды принимали эту концепцию без должной психологической экспертизы, фактически легализуя похищение людей на основании их убеждений. В глазах закона жертва Патрика переставала быть субъектом права; она становилась «сломанным механизмом», требующим агрессивной починки. Это превращало судебные процессы в акты антикультистской пропаганды, где преступник выступал в роли эксперта по ментальной гигиене, а потерпевший — в роли невменяемого пациента, чьи жалобы на насилие не имеют юридического веса.

Однако уже в середине семидесятых годов деятельность Патрика столкнулась с первым серьезным интеллектуальным сопротивлением в деле Венди Хеландер, участницы Церкви Объединения. Этот случай обнажил фундаментальную юридическую коллизию: право взрослого человека на свободу совести против «права» родителей на силовой возврат ребенка в лоно семьи. Семья Хеландер, при поддержке Патрика, рассматривала разум Венди как территорию, оккупированную враждебной силой Муна. В январе 1975 года Патрик удерживал девушку в течение четырнадцати часов, применяя технику «вышибания клина» — доведение жертвы до эмоционального коллапса через непрерывные крики, оскорбления её веры и демонстрацию «компромата» на лидера группы. Однако Венди оказалась сильнее, чем предполагал её мучитель. Как отмечал социолог религии Джеймс Ричардсон, Хеландер применила уникальную стратегию имитации. Она осознала, что насилие не прекратится, пока она не «прозреет».

Девушка начала плакать, соглашаться с доводами Патрика и искусно имитировать возвращение к «нормальности», которую от неё требовали. Как только бдительность похитителей ослабла, Венди совершила побег и вернулась в общину. В последующих судебных слушаниях в штате Коннектикут её подробные показания вскрыли абсурдность системы временного «опекунства», при которой суды выдавали родителям разрешения на фактически внесудебную расправу над взрослыми детьми.

Хеландер доказала, что «насильственное исцеление» порождает лишь более сложные формы психологической защиты и еще более глубокий разрыв между поколениями. Проблема заключалась в том, что американская судебная система того времени оказалась парализована страхом перед «культами». Адвокаты депрограмматоров успешно использовали доктрину «крайней необходимости» (necessity defense). Суть её заключалась в том, что совершение преступления (похищения) оправдано, если оно предотвращает большее зло. В глазах многих судей членство в нетрадиционной религиозной группе было именно таким «большим злом», сравнимым с наркоманией или психическим расстройством.

Это привело к ситуации юридического хаоса, когда законы о свободе вероисповедания и неприкосновенности личности просто переставали работать, как только в деле появлялось слово «культ». К началу 1980-х годов депрограммирование окончательно вышло за рамки борьбы с новыми религиозными движениями, став инструментом подавления любой социальной

или личной инаковости, которая не вписывалась в консервативные рамки. Даже когда суды находили его виновным в похищении и сговоре, реальные сроки заключения оказывались короткими или заменялись штрафами.

Здесь проявилась глубокая дезинтеграция американской правоохранительной системы: правоохранительные органы разных штатов действовали разрозненно, что позволяло Патрику годами лавировать между юрисдикциями. К примеру, информация о его прошлых деяниях в Калифорнии часто игнорировалась в Огайо или Коннектикуте, а его досрочные освобождения происходили под мощным давлением медийных кампаний, выставлявших его жертвой «государственного произвола против семьи». Медиа играли ключевую роль в формировании образа «Черной молнии» — героя-одиночки, который делает то, что необходимо, невзирая на формальности закона. Популярные ток-шоу и крупные газеты тиражировали миф о Патрике как о единственном щите, защищающем американское общество от «психологической эпидемии».

К 1983 году, когда в Коннектикуте он вновь получил лишь условное наказание за грубое нарушение гражданских прав Ричарда Купера, стало очевидно: американское правосудие капитулировало перед мифологией депрограммирования. Наказать Патрика по всей строгости закона означало признать, что государство не способно защитить сакральный институт семьи от новых культурных вызовов.

Трагедия дела Теда Патрика заключается в том, что его безнаказанность не была результатом его личного превосходства или юридического гения. Это был коллективный продукт общества, которое в состоянии моральной истерии согласилось обменять право на иллюзию безопасности.

Патрик эксплуатировал самые глубокие страхи родителей, превращая их в своих союзников и живой заслон от правосудия, тем самым создав опасный прецедент, где личные убеждения одного человека могут стать поводом для лишения свободы другого при полном попустительстве закона. «Тед Патрик был не единожды осужден за похищение и насилие, но вместо многолетнего тюремного срока он получал условные наказания и продолжал свою преступную деятельность. Почему? Потому что общество, манипулированное антикультистской пропагандой, верило: цель оправдывает средства. Патрик создал индустрию. И эта индустрия требовала людских страданий.

Дело Стефани Ритмиллер 1981 года стало самой мрачной и позорной страницей в истории деятельности Патрика и его «школы». В этот раз целью «лечения» была не религия, а сексуальная ориентация. Родители двадцатилетней Стефани, не в силах принять её идентичность, заказали её похищение, чтобы «излечить» дочь от лесбийских отношений. Тед Патрик, находившийся в то время под пробацией после очередного судебного разбирательства, курировал процесс дистанционно, направив своих самых жестоких помощников в изолированный коттедж в Седар-Блафф, штат Алабама.

То, что происходило там в течение семи дней, невозможно квалифицировать иначе как серию тяжких уголовных преступлений. Согласно материалам громкого дела, Стефани приковывали наручниками к кровати и подвергали сексуальному насилию. Джеймс Роу, один из депрограмматоров, нанятых Патриком, насиловал девушку несколько ночей подряд, цинично утверждая, что это часть «терапии», необходимая для того, чтобы она «поняла, каково это — быть с настоящим мужчиной». Шокирующим итогом процесса стал оправдательный приговор Патрику в 1982 году. Суд фактически легализовал право на насилие внутри семьи, если оно направлено на коррекцию поведения, не одобряемого старшими или общественным большинством.

Это решение стало апофеозом дегуманизации жертв: Стефани Ритмиллер перестала быть личностью в глазах правосудия и превратилась в сломанный объект, который требовал «ремонта» любыми, даже самыми грязными средствами. Этот случай продемонстрировал, что идеология депрограммирования была тесно связана с более широкими механизмами социального контроля. Она давала право сильному определять границы нормальности для слабого.

Иногда семьи пытались сделать это — и иногда присяжные оказывались к этому удивительно терпимы. Но когда общество соглашается на насилие ради «спасения» чьего-то разума, оно рискует потерять свою собственную совесть и право называть себя свободным. «Черная молния» погасла, его методы были официально осуждены большинством профессиональных ассоциаций психологов. Наследие Патрика напоминает нам, что истинная свобода — это прежде всего право человека на собственные ошибки, поиски и даже на заблуждения, если они не нарушают прав других.

Глава 2: Антикультовая мафия в костюмах

История Cult Awareness Network (CAN) представляет собой один из наиболее показательных примеров того, как институционализированный страх может быть конвертирован в устойчивую и крайне прибыльную бизнес-модель. Для внешнего наблюдателя, законодателей и прессы организация на протяжении десятилетий выстраивала фасад респектабельного информационного центра, движимого исключительно гуманитарными целями.

Официальная миссия сети декларировала защиту прав человека, поддержку семей и просвещение общества относительно опасностей, исходящих от так называемых деструктивных религиозных групп. Однако за этим полированным фасадом скрывалась сложная, глубоко эшелонированная структура, чья реальная операционная деятельность имела мало общего с благотворительностью, работая по законам теневого рынка силовых услуг и психологических манипуляций. Ключевым узлом этой системы, ее «точкой входа», была горячая линия CAN. В аналитическом разрезе этот инструмент нельзя рассматривать просто как службу психологической помощи. Это был высокоэффективный механизм генерации спроса.

Когда встревоженные родственники звонили на горячую линию Cult Awareness Network (CAN), они нередко попадали на волонтеров и сотрудников, чья работа заключалась в консультации и сборе информации — но в ряде случаев также в переадресации к «специалистам» по «выводу из культов». Вместо нейтральной справки о группе, разговор часто строился вокруг риторики «промывания мозгов», из-за чего звонившие могли быстро входить в состояние паники. В ход шли предупреждения о «разрушении личности» и возможной опасности, что лишало семьи способности к рациональному суждению и делало их восприимчивыми к радикальным решениям.

Этот искусственно нагнетаемый кризис лишал семьи способности к рациональному суждению, превращая их из ищущих совета людей в идеальных потребителей радикальных решений. Горячая линия функционировала как

воронка продаж, где конечным продуктом была не информация, а дорогостоящее и зачастую незаконное вмешательство. Теневая сторона этой системы держалась на сети контактов, где среди упоминаемых фигур встречаются Тед Патрик, Рик Росс и Гален Келли.

Для того чтобы защитить головную организацию от юридических последствий, была разработана система «разрыва связей» или «cut-out». Официально CAN заявляла, что не поддерживает насильственные методы, но на практике звонки с горячей линии через цепочку аффилированных лиц и региональных активистов перенаправлялись к этим конкретным исполнителям. Эта схема позволяла сети сохранять статус налогооблагаемой некоммерческой организации, фактически выступая в роли диспетчерского центра для полулегальных силовых операций.

Для того чтобы защитить головную организацию от юридических последствий, вокруг CAN сложилась практика «разрыва ответственности» (cut-out): официально CAN заявляла, что не поддерживает насильственные методы, но на практике звонки на горячую линию нередко уходили через сеть региональных «контактных лиц» и волонтеров, которые уже в частном порядке соединяли семьи с конкретными исполнителями. Именно эта связка «горячая линия → волонтер → депрограмматор» фигурировала и в описаниях работы сети, и в судебных сюжетах вокруг неё.

Эта конструкция позволяла организации публично держать дистанцию и одновременно сохранять налогово-льготный статус некоммерческой образовательной организации (tax-exempt nonprofit), даже когда «полевые решения» оказывались на грани закона.

Эта финансовая симбиотическая связь между информационным центром и полевыми агентами создавала коррупционный цикл: чем больше паники генерировала CAN через свои каналы, тем больше заказов получали депрограммеры, и тем значительнее были финансовые потоки, возвращавшиеся в организацию для поддержания ее деятельности. Легитимация деятельности Cult Awareness Network требовала не только финансовой устойчивости, но и глубокой интеграции в государственные и общественные институты. Для решения этой задачи была выстроена сложная система интеллектуального и юридического прикрытия. Основным партнером CAN на этом поприще выступала организация

American Family Foundation (AFF), ныне известная как ICSA. Если CAN была «боевым крылом» и маркетинговым центром движения, то AFF выполняла роль академического фундамента.

Вместе они создавали видимость научного консенсуса вокруг концепции «промывания мозгов» и «неоправданного влияния». Через AFF организация получала доступ к крупным грантам на образовательные программы. Эти средства, выделяемые как частными фондами, так и через квазигосударственные структуры, направлялись на подготовку материалов, которые затем внедрялись в юридическую и образовательную системы США. Вершиной этой стратегии стал совместный отчет 1994 года, в его подготовку была также вовлечена Американская ассоциация юристов (ABA), что позволило антикультистским нарративам обрести статус экспертного знания, придавая документу статус юридического. Важнейшим инструментом в арсенале CAN была стратегия создания «моральной паники», которая идеально резонировала с потребностями средств массовой информации в сенсационном контенте.

Организация виртуозно использовала масштабные трагедии для укрепления своего влияния. События в Джонстауне в 1978 году и осада «Маунт Кармел» в Уэйко (1993) стали для сети идеальным маркетинговым фоном. Вместо того чтобы содействовать объективному расследованию причин этих драм, спикеры CAN использовали их как доказательство необходимости превентивного насилия и жесткого контроля. Патриция Райан, возглавлявшая руководство CAN эксплуатировала личную трагедию — гибель своего отца, конгрессмена Лео Райана, в Джонстауне — для продвижения агрессивной повестки. В медийном поле любая группа, не вписывающаяся в традиционные рамки, немедленно клеймилась как «потенциальный Джонстаун», что лишало общество возможности для спокойного диалога и оправдывало любые действия депрограммеров в глазах обывателя.

Симбиоз CAN с телевидением и прессой достиг своего пика в 1980-х и начале 1990-х годов. Организация стала фактически эксклюзивным поставщиком «экспертов» и «жертв» для таких топовых площадок, как шоу Опры Уинфри и Фила Донахью. Эти программы нуждались в драматических историях, а CAN предоставляла их в неограниченном количестве. Телевизионный формат, ориентированный на эмоции, а не на проверку фактов, позволял представителям сети транслировать самые дикие обвинения без риска быть разоблаченными. Не отставала и серьезная пресса: The New York Times и Washington Post регулярно

цитировали функционеров CAN как независимых экспертов, тем самым институционализируя их статус. Это создавало контур взаимного усиления авторитета: медиа ссылались на CAN, потому что она считалась авторитетной организацией, а авторитетной она считалась потому, что на нее ссылались ведущие СМИ. Для поддержания этого медийного гомеостаза CAN не гнушалась прямыми фальсификациями.

Одной из самых запутанных страниц истории организации стало использование «профессиональных жертв», наиболее ярким примером которых стал Гарри Линн Скарфф. Этот человек на протяжении многих лет с леденящими душу подробностями рассказывал о своем опыте в различных культах, включая вымышленные ритуалы и планы массовых убийств. Позже, под присягой, Скарфф утверждал, что значительная часть его свидетельств была подгоняема под ожидания — и что окружение CAN и связанные с ней деятели поощряли такие рассказы ради медийного эффекта и поддержания общественной тревоги.

Такие «подставные жертвы» были необходимы для того, чтобы заполнить пробел между реальностью, где большинство новых религиозных движений не представляли угрозы, и картиной мира, которую продавала CAN. В конечном итоге именно этот альянс между жадной до рейтингов прессой, ищущими легких ответов политиками и циничными функционерами сети позволил системе депрограммирования существовать так долго, превратив акт грубого нарушения гражданских прав в общественно одобряемую практику «спасения».

Когда мы вглядываемся в четвертьвековой отрезок американской истории с 1970 по 1996 год, перед нами разворачивается настоящая топография боли, запечатленная в сухих цифрах отчетов. Статистика этого периода — это эхо тысяч захлопнувшихся дверей фургонов, звон разбитых окон и приглушенные крики в заколоченных подвалах. За каждой единицей в этом списке стоит живой человек, чье право на неприкосновенность личности было принесено в жертву на алтарь «общественной безопасности» и родительского отчаяния.

Это была эпоха, когда насилие легитимизировалось через страх, а похищение человека стало прибыльной индустрией, работающей под прикрытием моральной праведности. Официально задокументированные случаи — те, что дошли до залов судебных заседаний, полицейских протоколов или отчетов правозащитных организаций, — составляют лишь вершину этого ледяного массива. Если

рассматривать структуру этого «конвейера спасения», то наиболее сокрушительный удар пришелся на последователей Церкви Объединения. Более трехсот молодых мужчин и женщин были насильственно изъяты из своей среды, подвергнуты многодневному изнурению и психологическому взлому. Для многих из них «свобода», подаренная депрограммерами, пахла потом тесных комнат и страхом перед собственными родителями, ставшими заказчиками их похищения. Не менее трагична статистика движения «Дети Бога», где зафиксировано более ста пятидесяти случаев вмешательства, часто сопровождавшихся физическим насилием, которое цинично оправдывалось «особой сложностью» кейса.

Индустрия депрограммирования не знала конфессиональных границ, превращая в объекты охоты любого, кто выбивался из общепринятого стандарта. В анналах этого периода значатся более ста последователей Международного общества сознания Кришны (ISKCON), чьи бритые головы и оранжевые одежды становились для депрограммеров красной тряпкой, сигналом к началу «очистительной» операции. Около восьмидесяти членов The Way International прошли через горнило принудительной реабилитации, а Церковь Саентологии, несмотря на свою мощную юридическую защиту, потеряла более пятидесяти своих прихожан в результате дерзких налетов «охотников за головами». Если добавить к этому списку еще триста двадцать подтвержденных случаев в более мелких, менее известных группах, итоговая цифра документированного ужаса превышает тысячу человек.

Тысяча актов похищения, совершенных среди бела дня, на глазах у равнодушных прохожих или при молчаливом попустительстве полиции. Однако настоящая глубина трагедии скрыта в серой зоне недокументированных инцидентов. По самым консервативным оценкам экспертов и социологов религии, реальное число жертв принудительного депрограммирования в период с 1970 по 1996 годы составляет от двух до трех тысяч человек. Эта колоссальная разница между официальными данными и реальностью объясняется атмосферой тотального психологического террора, в которой оказывались пострадавшие. Большинство жертв предпочитало хранить молчание, и причины этого молчания были столь же разнообразны, сколь и мучительны.

Страх перед полицией, которая в те годы часто видела в депрограммерах «союзников» в борьбе с «культами», парализовал волю к сопротивлению. Многие боялись, что заявление о похищении лишь спровоцирует новую волну насилия со

стороны семьи или приведет к принудительной госпитализации в психиатрическую клинику. Психологическое давление, оказываемое во время депрограммирования, часто заканчивалось тем, что жертва впадала в состояние глубокой апатии или «выученной беспомощности», когда сама мысль о поиске справедливости казалась невозможной. Последствия для тех, кто прошел через эти застенки, были катастрофическими и часто необратимыми.

Мы говорим не просто об испорченных отношениях с родителями, а о фундаментальном разрушении человеческой психики. Глубокое посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) стало верным спутником тысяч «спасенных». Люди годами вздрагивали от звука, проезжающего мимо фургона, не могли спать без света и страдали от панических атак в закрытых пространствах. Депрессия, ставшая хронической, часто приводила к попыткам суицида — последнему способу обрести контроль над собственной жизнью, который у них так грубо отобрали.

Социальная изоляция превращалась в пожизненный приговор: вырванные из общины, где они чувствовали себя нужными, и преданные собственными семьями, эти люди оказывались в вакууме. Крах семейных уз был абсолютным: как можно снова сесть за один стол с человеком, который оплатил твои наручники и твое унижение? Эта тотальная потеря доверия к самым близким людям неизбежно перерастала в экзистенциальное недоверие ко всем институтам общества — от полиции до медицины. Итоговые цифры этого периода рисуют картину системного беззакония, возведенного в ранг прибыльного бизнеса. Более тысячи доказанных похищений превратились в сотни судебных процессов, которые тянулись десятилетиями, выматывая жертв и обогащая адвокатов. Но главной движущей силой этого механизма были деньги.

Это было циничное мародерство на руинах семейного благополучия. Родители закладывали дома или опустошали пенсионные счета, не осознавая, что они покупают не спасение своего ребенка, а его психологическую смерть. Апогеем этой антикультистской истерии, подпитываемой Cult Awareness Network (CAN) и их ведущими специалистами, стала трагедия в Уэйко весной 1993 года. Роль Рика Росса в гибели восьмидесяти шести человек, включая женщин и детей, в поместье «Маунт Кармел» трудно переоценить.

Именно он выступал в качестве теневого советника ФБР и ATF, нагнетая атмосферу и убеждая силовиков, что диалог с Дэвидом Корешем невозможен, а единственный путь — это силовое сокрушение. Нарративы, созданные CAN о «безумных сектантах», жаждущих смерти, стали той искрой, которая подожгла фитиль этой катастрофы. Уэйко стало наглядной демонстрацией того, к чему приводит перенос методов депрограммирования — изоляции, психологического изнурения и демонстрации силы — на государственный уровень. Смерть десятков людей стала кровавым памятником эпохе, когда «экспертное мнение» самозванных охотников за культами ценилось выше человеческих жизней и профессиональной психологии.

Крах оригинальной Cult Awareness Network стал одним из самых выразительных и парадоксальных эпизодов в истории американской юриспруденции и противостояния новых религиозных движений и их критиков. История падения организации, которая десятилетиями служила главным информационным и координационным центром для семей, началась не с идеологического поражения, а с конкретного правового инцидента, переросшего в сокрушительный финансовый удар. В центре этого процесса оказалось дело ранее упомянутого Джейсона Скотта, чья личная драма стала рычагом, позволившим оппонентам CAN полностью демонтировать структуру организации. Интересы парня в суде представлял Кендрик Моксон, адвокат, тесно связанный с Церковью Саентологии — организацией, которая на протяжении многих лет открыто конфликтовала с CAN.

Стратегия защиты Скотта заключалась в том, чтобы доказать не просто вину исполнителей, но и системную ответственность Cult Awareness Network как организации, способствовавшей совершению преступления через предоставление рекомендаций и координацию действий депрограммеров. В гражданском процессе жюри признало ответчиков ответственными за сговор с целью лишения Скотта его гражданских прав и религиозных свобод. Общая сумма присужденной компенсации составила \$4,875 млн: \$875 тыс. компенсационных и штрафные — \$1 млн против CAN, \$2,5 млн против Рика Росса и по \$250 тыс. против каждого из двух его помощников. Для некоммерческой организации, чей бюджет состоял преимущественно из пожертвований и членских взносов, такая сумма была абсолютно неподъемной. Последующие попытки обжаловать решение не принесли

успеха, и в июне 1996 года CAN была вынуждена инициировать процедуру банкротства.

В этот момент развернулась вторая фаза стратегической операции по ликвидации сети. Активы организации, включая ее название, логотип, телефонные номера и, что наиболее важно, архивы и конфиденциальные файлы, были выставлены на аукцион в рамках конкурсного производства. Ситуация приобрела характер сюрреалистического триллера, когда за право обладания наследием главной антикультовой организации Америки начали бороться те, против кого она сама и боролась. Кульминация наступила в октябре 1996 года, когда адвокат-саентолог Стивен Хейс, представлявший интересы структуры под названием Foundation for Religious Freedom (FFRF, или Фонд религиозной свободы), приобрел имя и активы CAN всего за 20 000 долларов.

Это приобретение ознаменовало собой финальный акт иронии: бренд Cult Awareness Network, который десятилетиями ассоциировался с борьбой против саентологии и других групп, внезапно стал собственностью представителей этих самых движений. Контроль над телефонной линией, по которой тысячи отчаявшихся родителей звонили в поисках помощи, перешел к тем, кого эти родители опасались.

Новые владельцы сохранили известную аббревиатуру, но полностью изменили содержание деятельности, превратив организацию в инструмент защиты религиозной свободы в том виде, в котором они ее понимали. Этот переход собственности стал не просто корпоративным поглощением, но и глубокой символической травмой для антикультового движения. Прежние сотрудники CAN наблюдали, как их многолетние наработки, контакты и сама идентичность организации были приватизированы их идеологическими противниками. В истории социологии религии этот случай остается классическим примером того, как судебная система и механизмы банкротства могут быть использованы для нейтрализации оппонента.

Крах старой Cult Awareness Network и дискредитация силовых методов депрограммирования стимулировали качественную эволюцию методов вмешательства. Произошел фундаментальный сдвиг парадигмы: от принудительного удержания и агрессивного разрушения убеждений специалисты перешли к этически выверенным формам помощи, получившим название

консультирования по выходу (exit counseling) и стратегического вмешательства. Центральной фигурой в этом процессе стал Стивен Хассан, чей путь во многом определил облик современной антикультовой деятельности. Параллельно с развитием индивидуальных методик происходила институционализация исследований.

Важнейшую роль в этом процессе сыграла International Cultic Studies Association (ICSA, или Международная ассоциация исследования культов), которая стала преемницей аналитических традиций, очищенных от радикализма ранних лет. ICSA сосредоточилась на научной деятельности, проведении конференций и публикации исследований, объединяя психологов, социологов и юристов. В отличие от старой CAN, новая сеть экспертов сделала ставку на академическую строгость, что позволило им сохранить легитимность в глазах общества и государства.

Глава 3: Депрограммирование 2.0. Стивен Хассан

Когда в середине девяностых годов судебная система США наконец начала затягивать петлю на шее традиционного депрограммирования, признав методы Рика Росса «зверскими и невыносимыми в цивилизованном сообществе», индустрии срочно потребовался новый герой. Ей нужен был человек, который смог бы превратить грубое насилие в деликатную терапевтическую услугу, сохранив при этом главный товар — контроль над чужим сознанием. Стивен Хассан, идеально подошел на роль этого реформатора, став лицом «гуманного» вмешательства, которое на поверку оказалось лишь более выверенной формой того же самого подавления личности. Биография Хассана — это классический нарратив о «бывшем», ставший его главным маркетинговым активом.

В 1974 году, будучи молодым и впечатлительным студентом, он оказался в ряду прихожан Церкви Объединения Сан Мён Муна. Около двух с половиной лет

он был образцовым «мунитом», отдавая движению все свои силы и время. Однако его уход из организации в 1976 году в его собственном описании связан с событием, которое стало переломным. Все решил случай — серьезная автомобильная авария. Когда Хассан оказался на больничной койке, лишенный привычного круга общения, его семья, не теряя времени, привлекла депрограмматоров старой школы. Важно понимать контекст: Хассан не просто «вышел» из Церкви, он прошел через ту самую мясорубку, которую позже будет публично критиковать, но именно в ней он увидел колоссальный потенциал для бизнеса.

В те же годы он действовал в антикультовой среде, где CAN работала как узловая структура рекомендаций и направляла семьи к «депрограммерам» и консультантам; в перечнях специалистов, связанных с CAN, фигурирует и Хассан. В этот период его деятельность мало чем отличалась от методов его коллег по цеху. В архивных документах и свидетельствах того времени можно найти упоминания о его участии в жестких депрограммированиях, где присутствовало и принудительное удержание, и многочасовой психологический прессинг. Однако Хассан обладал тем, чего, к примеру, не было у Теда Патрика — интеллектуальной гибкостью и пониманием того, что страх перед законом скоро сделает физические цепи нерентабельными. Когда CAN рухнула под грузом многомиллионных исков, Хассан уже готовил почву для своего триумфального сольного выступления под флагом Strategic Interaction Approach (SIA) — модели «стратегического взаимодействия», которую он описывает как непринудительную и ориентированную на коммуникацию с участником группы.

Суть SIA заключалась в гениальной психологической перепаковке. Хассан понял, что, если вы похищаете человека, вас посадят в тюрьму. Но если вы убеждаете семью создать условия, при которых человек не может уйти, это называется «семейным консультированием». Он заменил физические засовы на дверях психологическими засовами в умах родственников. SIA — это не отказ от насилия, это перевод давления в социальную и эмоциональную плоскость, где главный ресурс — близкие связи, чувство долга и страх потерять семью.

Хассан представил депрограммирование не как атаку на верующего, а как «восстановление семейных связей», где объектом воздействия становится не только «жертва культа», но и вся его социальная среда, превращенная в аппарат для выжимания нужных признаний. Первый этап этого «стратегического взаимодействия» — глубокая обработка семьи, которая сама по себе является

шедевром манипулятивного маркетинга. Хассан не просто предлагает помощь, он продает страх. Стоимость консультаций на этом этапе варьируется от 300 до 500 долларов в час, и это лишь прелюдия. В ходе этих сессий Хассан внушает родителям идею о том, что их ребенок — это больше не их ребенок, а пустая оболочка, «зомби», чей разум полностью стерт «промывкой мозгов».

Это критический момент: он лишает родителей эмпатии к собственному чаду, заменяя её клиническим интересом к «сломанному объекту». Семья превращается в инструмент давления. Хассан обучает их специальному языку, тактикам микроманипуляции и, что самое страшное, искусству тотального недоверия. Родителей готовят к роли надзирателей, которые должны действовать скрытно, пока не наступит момент для главного удара. Второй этап — это собственно «интервенция», цена которой взлетает до 10,000–20,000 долларов за несколько дней «интенсива». Это многодневный формат с оплатой по часам или дням и сопутствующими расходами.

Здесь вступает в дело метод «засады» (ambush), который Хассан подает как необходимый элемент неожиданности для обхода «культовых защит». Жертву заманивают под ложным, зачастую святым для любого человека предлогом: семейный ужин в честь дня рождения матери, внезапная болезнь бабушки или долгожданный совместный отпуск в уединенном коттедже. Человек приходит в место, которое он считает безопасным, к людям, которым он доверяет, и внезапно обнаруживает, что дверь закрыта, а в кресле сидит Стивен Хассан. В этот момент начинается психологическая осада. Жертва оказывается в ловушке: с одной стороны — профессиональный манипулятор, знающий все болевые точки, с другой — плачущие родители, которые в унисон с экспертом твердят, что их любовь требует его немедленного «исцеления».

Это не диалог, это эмоциональный трибунал. Хассан использует присутствие близких как живой щит и одновременно как рычаг. Если депрограмматор старой школы бил жертву по лицу, то Хассан заставляет родителей говорить ребенку следующее по сути своей: «если ты не отречешься от своей веры, ты убьешь свою мать, ее инфаркт будет на твоей совести». Это насилие, возведенное в абсолют, через инструмент манипуляции, который бьет по самым глубоким привязанностям, превращая любовь в орудие пытки. Человека удерживают не наручниками, а угрозой вечного изгнания из семьи, позором и разрушением жизни

тех, кого он любит. Третий этап — постинтервенция и постподдержка — призван закрепить результат и не допустить «рецидива».

Хассан называет это реабилитацией, но на деле это создание системы мониторинга, где каждый шаг бывшего адепта контролируется семьей, обученной Хассаном замечать малейшие признаки «старого мышления». Жертву могут удерживать в «правильном» состоянии через постоянное напоминание о том, как дорого стоило её спасение и какую боль она причинила близким. Это состояние перманентной вины, которое делает невозможным любой самостоятельный духовный поиск. Критика метода SIA со стороны правозащитников и социологов религии часто разбивается о медийный имидж Хассана как «доброего доктора».

Однако при глубоком анализе становится очевидно, что Strategic Interaction Approach — это замена физических цепей психологическим шантажом. Что примечательно, это делается руками самых близких людей, с них и спрос, если что-то пойдет не так. Хассан предлагает формат, который формально позиционируется как «непринудительный», но в спорных случаях оставляет минимум юридически фиксируемых следов — и именно поэтому граница между «помощью» и вмешательством в свободу совести становится трудной для доказательства. В этой системе человек теряет право на собственное мировоззрение под угрозой разрыва с самыми близкими людьми. Хассан «переупаковал» насилие, сделав его социально приемлемым, но от этого оно не перестало быть насилием. В мире Хассана нет места для подлинного выбора.

Если вы выбрали путь, который не нравится вашим родителям или эксперту за 500 долларов в час, значит, вы «запрограммированы». SIA не освобождает разум, он просто перехватывает управление, заменяя «программу культа» на «программу Хассана», где главным критерием нормальности является конформизм и послушание. Таким образом, депрограммирование под новым брендом стало еще более опасным, чем его предшественник: оно научилось улыбаться, цитировать психологические справочники и прикрываться семейными ценностями, продолжая при этом методично уничтожать человеческую свободу в самом её сердце.

Это интеллектуальный детектив, в котором сыщик и преступник слились в одном лице, а жертва вынуждена благодарить своего мучителя за «спасение» из клетки, которую ей просто заменили на более просторную и невидимую.

Анализируя SIA, невозможно игнорировать тот факт, что Хассан фактически создал франшизу на эксплуатацию родительского горя. В его руках психология превратилась из инструмента познания в инструмент вербовки союзников. Каждое успешное «вмешательство» — это не победа разума, а победа тактики осады над суверенитетом личности. Стратегический интерактивный подход — это эвфемизм для обозначения процесса, в котором индивидуальность человека приносится в жертву комфорту его социального окружения.

Хассан понимал, что в современном мире имидж — это всё. Поэтому его книги наполнены историями успеха, где «спасенные» рыдают на плечах у родителей. Но за кадром остаются те, чья психика была окончательно надломлена этим «гуманным» предательством близких, те, кто навсегда потерял способность доверять кому-либо, и те, кто предпочел имитировать слом, чтобы просто выйти из комнаты, где их подвергали эмоциональному изнасилованию. Стивен Хассан усовершенствовал методы Теда Патрика, заменив их на аромат дорогого офиса и успокаивающий голос психоконсультанта. За большие деньги один человек берет на себя смелость решать за другого, во что ему верить, как ему жить и кем ему быть, используя любовь близких как самый эффективный в истории человечества яд для уничтожения свободы воли. В конечном итоге SIA — это триумф маркетинга над моралью.

Основой методологии Хассана стала модель BITE, описывающая четыре аспекта контроля сознания: контроль поведения (Behavior), информации (Information), мышления (Thought) и эмоций (Emotion). Эта аналитическая рамка позволила демистифицировать понятие «промывания мозгов», переведя его в плоскость конкретных психологических механизмов манипуляции. Модель BITE стала популярным инструментом в антикультовой среде и в публичных дискуссиях об авторитарном влиянии, позволяя внутри этой оптики оценивать степень давления в группе без теологических споров.

Хассан подчеркивает, что вмешательство должно быть добровольным и системным, вовлекающим семью и близких, а целью процесса является не навязывание новых убеждений, а возвращение человеку его подлинного «я», подавленного культовой личностью. В 2010-е и 2020-е годы практическим «лицом» этого подхода стали сервисы Freedom of Mind: консультации, подготовка семьи, возможные многодневные интервенции и последующая поддержка — то есть многоэтапная, платная услуга. Стивен Хассан, будучи тонким стратегом, осознал,

что страх родителей перед потерей контроля над детьми — это не просто социальный феномен, а неисчерпаемый и высоколиквидный ресурс.

Он перевёл дискурс из криминальной плоскости в терапевтическую, настаивая на непринудительности; критики же отмечают, что на практике граница между «помощью» и давлением может размываться, особенно когда в процесс вовлечена семья и ставки эмоционально высоки. Экономическая сторона этого бизнеса выстроена с выверенной точностью, где каждый этап взаимодействия с семьей монетизирован. Здесь кроется важный психологический механизм: заплатив столь значительную сумму, родственники становятся заложниками процесса, ощущая необходимость идти до конца, чтобы оправдать уже сделанные инвестиции. Семья, находящаяся в состоянии аффекта и паники, редко склонна торговаться, воспринимая эти счета как плату за жизнь и рассудок своего близкого.

Экономика страха работает безотказно: чем выше цена, тем более эффективным кажется метод в глазах отчаявшихся родителей. Даже по самым осторожным расчетам, общий заработок «гуру депрограммирования» превышает шесть миллионов долларов. В конечном итоге мы наблюдаем поразительную метаморфозу: нарушение базовых религиозных свобод и права человека на самоопределение превратилось в прибыльную и социально одобряемую индустрию. Стивен Хассан больше не рискует тюремным сроком за похищение человека, как это было с его предшественниками, но он продолжает заниматься тем же самым — разрушением семейных связей и принудительным переформатированием личности.

Разница лишь в том, что теперь этот процесс обернут в глянцевую упаковку экспертного мнения и защищен юридически безупречными контрактами. Монетизируя родительский страх и называя себя спасителем, он выстроил бизнес-империю на руинах чужой духовной автономии. Это экономика, в которой человеческая убежденность является товаром, а страх — главным драйвером продаж, позволяющим современному депрограмматору процветать там, где его предшественники видели лишь тюремную решетку. В период конца 2010-х и в начале 2020-х мы стали свидетелями беспрецедентного медийного взлета Хассана, когда его лицо стало практически неотъемлемым атрибутом вечерних эфиров крупнейших телеканалов. CNN, MSNBC и другие гиганты мейнстрим-медиа превратили его в универсального оракула, способного объяснить любое социальное или политическое потрясение через призму «деструктивного контроля сознания».

Пиком этой легитимации стало его появление на шоу Dr. Phil, где в анонсах и биографических справках его нередко представляют как «ведущего эксперта». Эта фраза стала своего рода индульгенцией, окончательно закрепившей за ним статус государственного эксперта, чье мнение не требует проверки. В биографических описаниях и пресс-материалах перечисляются его появления на CNN, NPR, Good Morning America, The Today Show, Oprah, Dr. Phil и других площадках. Крупные издания действительно обращались к нему как к комментатору (например, The Washington Post).

Однако за этим полированным фасадом академической мудрости скрывается пугающая избирательность коллективной памяти медийных корпораций. В то время как Хассан рассуждает о «неправомерном влиянии» в прайм-тайм, за скобками остается, что в конце 1970-х он участвовал в депрограммированиях. Медийные гиганты демонстрируют тотальную амнезию относительно того факта, что Хассан начинал свою карьеру не в университетских помещениях, а в «безопасных домах», где людей удерживали против их воли.

Это замалчивание биографии позволяет ему выступать в роли «защитника свободы», в то время как его фундамент был построен на отрицании этой самой свободы у тех, чьи убеждения он считал «неправильными». Его цифровое влияние сегодня распространяется далеко за пределы телевизионных студий. Став гостем в подкасте Джо Рогана, Хассан получил доступ к многомиллионной аудитории скептиков и интеллектуалов, а его собственный YouTube-канал, преодолевший отметку в 40 тысяч подписчиков, функционирует как круглосуточный центр вещания идеологии. Здесь он не просто информирует — он формирует оптику, через которую его последователи начинают смотреть на мир.

В тоже время, литературный успех Хассана стал тем двигателем, который превратил его теорию в политическое оружие. Его фундаментальный труд «Combatting Cult Mind Control», разошедшийся крупным тиражом, давно приобрел статус «библии» антикультового движения, предоставив теоретическую базу для публичной критики и вмешательств в отношении нетрадиционных групп. Однако именно книга «The Cult of Trump» стала его главным стратегическим маневром, ознаменовав окончательную политизацию антикультизма. В этой работе Хассан совершил опасный интеллектуальный подлог: он вывел понятие «культа» из сферы религиозной маргиналии в центр политического мейнстрима, фактически заклеив миллионы избирателей как жертв «промывки мозгов».

Это позволило ему не только монетизировать политическую поляризацию общества, но и создать идеальную рыночную нишу, где любая оппозиционная точка зрения может быть диагностирована как симптом «культового мышления», требующего его экспертного вмешательства. В этом контексте философия Хассана предстает как «Депрограммирование 2.0». Если раньше его целями были отдельные люди, чьи тела нужно было похитить для «очищения», то сегодня он перешел к программированию миллионов умов через инструментализацию страха. Хассан создал систему, в которой он сам выступает в роли единственного источника истины, навязывая аудитории параноидальную картину мира. Его успех заключается в том, что он заставил людей видеть «культы» повсюду: в корпоративной культуре, в политических партиях, в оздоровительных практиках и даже в семейных отношениях.

Это не освобождение разума, а создание новой формы зависимости. Хассан использует страх перед «невидимым контролем», заставляя людей добровольно отдавать свою волю в руки «эксперта», который обещает их защитить. Ирония судьбы заключается в том, что Стивен Хассан, всю жизнь боровшийся с лидерами культов, сам превратился в «гуру» национального масштаба, чья медиа-империя выстроена на тех самых механизмах контроля, которые он так красноречиво изобличает. Он не депрограммирует общество — он перепрограммирует его на доверие только одному человеку, превращая критическое мышление в пассивное следование за его собственным нарративом.

Когда захлопывается дверь за последним «экспертом», когда в гостиной гаснет свет и смолкают крики многочасовых сессий «стратегического взаимодействия», в доме воцаряется тишина. Но это не та благословенная тишина мира, которую обещали рекламные брошюры Стивена Хассана. Это безмолвие пепелища, на котором догорают остатки того, что когда-то называлось семьей. Интервенция объявлена «успешной». Ваш ребенок сидит на диване, он больше не спорит, не цитирует Писание или слова своего учителя. Он кивает, он согласен, он даже, возможно, плачет на вашем плече, прося прощения. Вы празднуете победу. Но посмотрите в его глаза. Видите ли, вы там возвращение той самой личности, которую искали? Или там лишь холодный и парализующий ужас перед самыми близкими людьми, которые превратили его дом в ловушку, а его любовь — в орудие пытки?

Задайте себе вопрос, на который вы так боялись ответить: что на самом деле двигало вами, когда вы впускали в свой дом этих людей? Действительно ли это была забота о вашем взрослом сыне или дочери? Или это был первобытный, удушающий страх потери контроля? Давайте будем честны: многие родители воспринимают своих детей не как отдельных личностей, а как свои инвестиционные проекты, как продолжение собственного «Я».

И когда этот «проект» заявляет о своей автономии — пусть даже через странную религию, непонятный образ жизни или «неправильные» ценности — родитель воспринимает это как бунт на корабле. Вы выбрали насилие не потому, что ваш ребенок попал в беду. Вы выбрали насилие, потому что не смогли перенести тот факт, что ваш ребенок — это другой человек. Человек с правом на ошибку, правом на собственный путь и правом на то, чтобы быть вам непонятным. Вы наняли депрограмматоров, чтобы они вернули вам не ребенка, а послушную версию ребенка. Вы купили себе право распоряжаться чужой жизнью, оправдывая это «высшим благом». Но любовь, которая требует наручников — стальных или психологических, — больше не является любовью. Это диктатура, замаскированная под опеку. Не так ли?

Те, кого вы называете «спасателями», на самом деле являются явными манипуляторами. Стивен Хассан, Рик Росс и их многочисленные последователи — это психологические насильники. Они не приходят туда, где царит гармония; они, как стервятники, кружат над трещинами в человеческих отношениях, ожидая момента, когда боль станет невыносимой. Их работа — не исцелять семью, а расширять эти трещины до размеров пропасти. Зачем им ваше примирение? В примирении нет прибыли. Им нужно, чтобы вы боялись. Цели антикультистов всегда предельно прагматичны: деньги, статус, власть. Каждый сломленный ребенок — это лишь новый «кейс» в их портфолио, новая ступенька к эфирам на телевидении и контрактам с игровыми гигантами. Они создали индустрию, где человеческая трагедия — это лишь сырье. Они не спасают жизни; они коллекционируют их, как трофеи, конвертируя слезы матерей в твердую валюту.

Страх — это топливо антикультового движения. Заметьте, как работают их медийные кампании. Вам не предлагают разобраться в нюансах теологии или социологии. Вас пугают. Вас бомбардируют образами «Джонстауна», массовых самоубийств и «промывки мозгов». Это классическая схема создания искусственного дефицита безопасности. Сначала они убеждают вас, что ваш

ребенок находится на краю бездны, а затем предлагают единственный «спасательный трос» — свои услуги. Ваш страх — это их капитал. Они продают вам ваше же отчаяние, накручивая цену с каждым новым сеансом.

В этой системе координат «опасный культ» жизненно необходим антикультисту. Если культа нет, его нужно выдумать или раздуть до невероятных масштабов. Без «врага» эксперт превращается в обычного шарлатана без лицензии. Поэтому они будут находить «признаки контроля сознания» везде: от йога-студий до политических партий. Им нужно, чтобы мир казался вам минным полем, где только они знают безопасную тропу. Метод «стратегического взаимодействия» Стивена Хассана — это апофеоз контроля, выдаваемого за любовь. Но ведь любовь — это способность оставаться рядом, даже когда вы не согласны. Это готовность дать совет, если в нём нуждаются и просят о нём, это умение отойти в сторону, когда человеку нужно пройти свой путь. Любовь дает опору, но не цепи. Контроль ломает психику, лишает человека права выбора и превращает самых близких людей в надзирателей. Выбирайте жизнь в любви, а не в концлагере, построенном на родительских амбициях и чужой жадности.

Глава 4: Медиа-манипуляции и русские антикультисты

То, что начиналось как локальная трагедия одной семьи, где отец пошел войной на сына под руководством наемного депрограмматора, неизбежно масштабируется до уровня глобальной социальной инженерии. Методы, отточенные на восемнадцатилетних студентах в заколоченных коттеджах, становятся фундаментом для технологии создания «образа врага» в масштабах целых наций. Мы видим, как микроскопический раскол между поколениями превращается в тектонический разлом между социальными группами, странами и блоками. Технология дегуманизации инакомыслящих, когда человека сначала лишают права на субъектность, называя его «зомби» или «адептом», а затем

оправдывают любое насилие над ним «высшим благом», — это тот же самый универсальный ключ, которым открываются двери к государственным переворотам и кровопролитным войнам.

Если можно заклеить рот скотчем собственному ребенку ради его «спасения», то ничто не помешает объявить «сектантским» целое общество, чтобы оправдать его зачистку. Это единая цепочка насилия, где депрограмматор в фургоне и манипулятор в телестудии или в другой аудитории работают на одном и том же поле — поле управляемого хаоса и искусственной вражды. Антикультизм — это мощная, беспощадная индустрия разделения, которая процветает исключительно до тех пор, пока горит огонь конфликта. Им жизненно необходим враг, им критически важна ненависть. Они продают нам яд, выдавая его за антидот, и пока мы покупаем право ненавидеть тех, кто на нас не похож, эта индустрия будет расширять свои владения, превращая планету в одно большое пепелище доверия.

Публикация книги Стивена Хассана «The Cult of Trump» в 2019 году ознаменовала собой фундаментальный сдвиг в западном политическом дискурсе, легитимизировав использование антикультовой терминологии для анализа массовых политических движений. Хассан экстраполировал свой многолетний опыт депрограммирования последователей религиозных течений на электоральную базу Дональда Трампа и движение MAGA. Его ключевой тезис заключается в том, что Трамп управляет своими сторонниками не через рациональное политическое убеждение, а посредством техник психологического манипулирования, характерных для деструктивных культов.

Центральное место в этом анализе занимает авторская модель BITE. Её применение к политическому лидеру позволило Хассану выстроить параллели между Трампом и такими фигурами, как Джим Джонс или Мун Сон Мён, утверждая, что механизмы формирования лояльности в обоих случаях сходны по логике. Контроль поведения в контексте движения Трампа, по версии Хассана, проявляется через участие в масштабных митингах, которые по своей атмосфере и эмоциональному накалу напоминают религиозные возрождения. Эти мероприятия создают среду, в которой индивидуальная идентичность растворяется в коллективном экстазе, а физическое присутствие и ритуализированные скандирования укрепляют групповую сплоченность.

Информационный контроль, по Хассану, реализуется через дискредитацию традиционных СМИ и создание замкнутого информационного «пузыря», где единственным источником истины выступает сам лидер. Хассан подчеркивает, что использование термина «фейковые новости» служит мощным инструментом блокировки альтернативных точек зрения, что является классическим признаком изоляции адепта от внешнего мира. Контроль мышления и эмоций в теории Хассана осуществляется через использование упрощенных лозунгов, дихотомическое разделение мира на «наших» и «чужих», а также постоянное культивирование чувства страха и обиды.

Повторение мантр о «краже выборов» или «глубинном государстве» рассматривается им как форма гипнотического внушения, которая подавляет критическое восприятие реальности. Сравнение с Джимом Джонсом здесь не случайно: Хассан апеллирует к способности лидера формировать у сторонников чувство экзистенциальной угрозы, что делает лояльность безусловной и, в его интерпретации, потенциально опасной для демократических институтов.

Таким образом, политическая лояльность переводится из области гражданского выбора в область психологической зависимости — по крайней мере, в той оптике, которую предлагает сам Хассан. Медийная динамика в период с 2016 по 2020 год наглядно демонстрирует, как эта концепция была подхвачена ведущими либеральными СМИ: в крупных изданиях заметно участились формулировки вроде «cult of personality» и «cult-like control» применительно к Трампу и его движению. Частота использования термина «культ» в отношении сторонников Трампа в таких изданиях, как The Guardian и The Week, показала беспрецедентный рост. Статистические данные указывают на то, что упоминаемость «культа личности» Трампа в мейнстримной прессе возросла более чем на 340%, составив свыше полутора тысяч аналитических материалов за один электоральный цикл.

Это свидетельствует о том, что антикультовый нарратив стал удобным инструментом для объяснения феномена Трампа, который не укладывался в традиционные социологические и политологические рамки. Вместо анализа экономических или культурных причин популярности кандидата, медиа предпочли свести всё к дефективности и нарративам антикультистов — объяснение политического успеха Трампа через массовое «оболванивание» избирателей. Такая патологизация политики имеет далеко идущие последствия для общественного

диалога. Использование понятий «промывка мозгов» или «ментальный контроль» позволяет девальвировать позицию политического оппонента, переводя дискуссию из рациональной плоскости в психиатрическую.

Если избиратель признается жертвой деструктивного культа, его аргументы априори считаются недействительными, а его личность — лишенной субъектности. Это создает условия, при которых диалог заменяется «депрограммированием», а политический компромисс становится невозможным, так как с «зомбированным» субъектом нельзя договариваться. В результате политическая поляризация достигает уровня религиозной войны, где противник воспринимается не как конкурент с иными интересами, а как носитель опасного вируса сознания.

За использованием психологических моделей Хассана стоит сложная сеть международных организаций, стремящихся к установлению идеологического контроля через психиатрию, что фактически превращает антикультизм в форму политического издевательства. Научная и этическая критика расширения понятия «культ» на сферу мейнстримной политики указывает на серьезные методологические риски такого подхода. Ученые-религиоведы и социологи подчеркивают, что термин «культ» сам по себе является крайне расплывчатым и оценочным. Более того, психологизация политики игнорирует реальные социальные противоречия.

Избиратели Трампа зачастую имеют рациональные мотивы для своей поддержки: от недовольства процессами глобализации до защиты традиционных ценностей. Объявление этих мотивов результатом «промывки мозгов» является формой элитистского высокомерия, которое лишь усиливает отчуждение значительной части населения. Дегуманизация электората через медицинские метафоры подрывает сами основы демократического плюрализма, который предполагает, что граждане способны самостоятельно и осознанно принимать решения, даже если эти решения кажутся ошибочными другой части общества.

С этической точки зрения, деятельность экспертов вроде Стивена Хассана в политической сфере создает опасный прецедент нарушения профессиональных стандартов, таких как «правило Голдуотера», запрещающее психиатрам ставить диагнозы публичным фигурам без личного обследования. Хотя Хассан формально не является врачом-психиатром, его работа воспринимается общественностью как экспертное медицинское заключение. Это создает иллюзию научной

обоснованности политических симпатий и антипатий. В конечном итоге, политизация антикультизма не только не помогает понять причины успеха популистских лидеров, но и становится мощным катализатором дальнейшего распада социальной основы, превращая демократические выборы в битву за определение того, чье сознание является «здоровым», а чье — «инфицированным».

Риск заключается в том, что в этой борьбе первой жертвой становится сама демократия, основанная на признании равного достоинства и разумности всех участников политического процесса. Эволюция медийного пространства в период с 2016 по 2024 год демонстрирует отчетливую закономерность: термин «культ», ранее ограниченный рамками узкоспециализированных социологических или теологических дискуссий, окончательно превратился в мощный инструмент политической мобилизации и высокодоходный медийный актив. Анализ динамики упоминаний данной темы в ведущих мировых СМИ выявляет корреляцию между всплесками интереса к «культовой угрозе» и периодами глубокой политической нестабильности. Статистические данные показывают, что кривая медийной активности достигает своих пиков в моменты электоральных циклов, когда необходимость дегуманизации политического оппонента становится приоритетной задачей для определенных групп влияния.

Если в начале 2010-х годов антикультовая риторика была сосредоточена на маргинальных религиозных объединениях, то начиная с 2016 года, на фоне тектонических сдвигов в западной политической архитектуре, объектом демонизации стали целые социальные движения и их лидеры. Экономическая составляющая этого процесса заслуживает особого внимания, так как она раскрывает механизмы конвертации идеологических конструкторов в реальную прибыль. Рынок «борьбы с куклами» претерпел качественную трансформацию, перейдя от частного консультирования семей к участию в глобальных развлекательных и медийных проектах. Ярким примером подобного симбиоза индустрии развлечений и антикультового активизма стало участие Рика Росса в разработке видеоигры Far Cry 5 компании Ubisoft. Привлечение Росса в качестве консультанта не было случайным жестом.

Это сотрудничество продемонстрировало, что антикультовый нарратив может быть успешно геймифицирован и продан массовому потребителю, формируя у него специфические паттерны восприятия реальности, где любая закрытая или инакомыслящая группа априори воспринимается как деструктивная секта.

Параллельно с этим на книжном рынке и в сфере политического консалтинга наблюдался успех Стивена Хассана, чья деятельность наглядно иллюстрирует процесс «расширения рынка». Хассан, опираясь на свою модель ВІТЕ, совершил стратегический маневр, перенес психологические рамки, разработанные для анализа небольших религиозных групп, на масштабные политические процессы.

Его книга «The Cult of Trump» стала важным инструментом в информационной войне. Применяя терминологию «контроля сознания» к миллионам избирателей, Хассан фактически легитимизировал отказ от рационального политического диалога в пользу медикализации и ненормальности политических предпочтений оппонентов. В этой парадигме избиратель не просто совершает выбор, он становится «жертвой культа», что оправдывает применение к нему мер «психологической реабилитации» и лишает его субъектности.

Такой подход оказался чрезвычайно востребованным в условиях жесткой поляризации общества, обеспечив автору стабильный доход и статус ключевого эксперта в либеральном медиа-сегменте. Институциональная поддержка антикультового дискурса со стороны таких гигантов, как ВВС, придает этой деятельности налет академической респектабельности и объективности. Участие экспертов уровня Рэйчел Стайн в высокобюджетных документальных проектах британской корпорации создает масштабную паутину воспроизводства страха. Эти проекты, финансируемые из государственных или квазигосударственных источников, выполняют функцию социальной инженерии, внедряя в общественное сознание мысль о том, что «культы» повсюду.

Высокобюджетные расследования ВВС часто строятся по определенному канону, где личные истории бывших участников групп используются для создания эмоционального давления, при этом глубокий системный анализ заменяется яркими клише, которые легко тиражируются в социальных сетях. К 2024 году процесс расширения антикультового рынка достиг своей вершины, когда объектом атаки стали фундаментальные институты гражданского общества и лидеры оппозиционных движений.

Постоянное нагнетание истерии вокруг «политических культов» создает благоприятную почву для совершения актов насилия. Нарратив о том, что лидер той или иной группы является «гуру-манипулятором», обладающим сверхъестественной властью над сознанием последователей, снимает моральные

барьеры перед физическим устранением такого лидера. Наиболее наглядно это проявилось в интерпретации инцидентов, связанных с покушением на Дональда Трампа.

Медийная среда, пропитанная десятилетней антикультовой пропагандой, мгновенно адаптировала этот инцидент в рамки своего дискурса, представляя нападавших как «освободителей» или жертв ответной реакции на «деструктивное влияние культа MAGA». Психологические рамки, такие как упоминавшаяся модель BITE, в руках современных идеологов превратились в прокрустово ложе, куда насильственно втискивается любое проявление социальной солидарности, не санкционированное мейнстримом. Если в 2016 году этот инструмент использовался осторожно, то к 2024 году он стал универсальным ярлыком.

Динамика медийного интереса показывает, что антикультизм превратился в прибыльную индустрию контроля. Спектр применения антикультовых технологий расширился от борьбы с «саентологами» до борьбы с целыми партиями и даже странами. Это расширение рынка продиктовано необходимостью поддержания спроса на услуги «экспертов по депрограммированию», чья роль теперь заключается в том, чтобы маркировать любые альтернативные потоки информации как «информационные вирусы» или «сектантскую пропаганду». Рассматривая финансовые отчеты и грантовую поддержку организаций, занимающихся мониторингом «культовой активности», можно заметить стабильный рост финансирования в периоды социальных кризисов. Деньги направляются не на объективные социологические исследования, а на производство контента, который усиливает тревожность и фрагментацию общества. В этом смысле статистика ненависти, накопленная медиа-кампаниями последних лет, является прямым отражением инвестиций в экономику страха.

Использование экспертов вроде Стива Хассана или Рика Росса в качестве «голосов разума» в прайм-тайм ведущих телеканалов лишь подтверждает, что антикультовый дискурс стал неотъемлемой частью глобального механизма управления общественным мнением, где прибыль извлекается из каждого нового звена социальной конфронтации. Завершая анализ данного периода, необходимо отметить, что современная антикультовая риторика вышла за пределы простого осуждения тех или иных практик. Она создала глобальную инфраструктуру, где психология, медиа и политика переплетены в единый узел. Эта система функционирует за счет постоянного расширения дефиниции «культа», что

позволяет вовлекать в сферу влияния антикультистов всё новые и новые социальные траты.

Если раньше «выход из культа» был личной драмой человека, то теперь «депрограммирование» навязывается обществу в целом как способ возвращения к «норме», границы которой определяются теми же структурами, что финансируют антикультовые кампании. Подобная стратегия ведет к эрозии демократических ценностей, так как она заменяет свободную конкуренцию идей психологическим клеймением и стигматизацией, создавая долгосрочные риски для стабильности гражданского мира. Таким образом, статистика ненависти, выраженная в цифрах медийного охвата и прибыли «экспертов», становится наиболее точным индикатором глубины кризиса современного информационного общества.

Исследование механизмов трансформации антикультового движения выявляет парадоксальную, на первый взгляд, закономерность: тесную координацию между ведущими западными вещательными корпорациями, такими как BBC, и российскими государственными медиаструктурами. Этот альянс, строящийся на фундаменте общей идеологии борьбы с «деструктивными культами», находит свое институциональное выражение в деятельности Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектах (FECRIS) и её российского подразделения — Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС).

Центральной фигурой, обеспечивающей идеологическую и практическую смычку между западным и российским антикультизмом, выступает Александр Дворкин. Занимая пост президента РАЦИРС и являясь уже бывшим вице-президентом FECRIS, Дворкин стал дирижёром единого нарратива, который беспрепятственно циркулирует между Москвой, Парижем и Лондоном. Координация через FECRIS обеспечивает единый информационный фронт против религиозных меньшинств, позволяя легитимизировать репрессивные меры в одной стране ссылками на «экспертное мнение» или медийные расследования в другой. В этом контексте BBC эксперты служат российской РАЦИРС, создавая замкнутый цикл самоподтверждающейся пропаганды.

Особое значение в этой системе занимает преемственность методологии. Иэн Хаворт, основатель британского Cult Information Centre (CIC) и один из представителей Великобритании на ранних этапах FECRIS, заложил основы

теории «психологического насилия», которые позже были адаптированы Дворкиным для российских реалий. Хаворт и Дворкин представляют собой два полюса единой оси: если Хаворт формировал запросы для британского медиаполя, то Дворкин переносил эти лекала на почву постсоветского пространства, внедряя термин «тоталитарная секта». Этот термин, лишенный четкого юридического или академического определения, стал идеальным инструментом для политизации понятия «культ». По словам самого Александра Дворкина, секты — это тоталитарные структуры, угрожающие национальной безопасности, и именно эта установка легла в основу медийных кампаний, синхронизированных по обе стороны границы.

Период 2018–2020 годов стал временем наиболее очевидной синхронизации действий BBC Panorama и российских федеральных каналов. Классическим примером такой координации является кейс SPAC Nation (Salvation Proclaimers Anointed Church, или Церковь «Провозглашающие Спасение») — религиозной организации, ставшей объектом масштабного расследования BBC в 2019-2020 годах. Программа «Panorama» использовала стандартный набор приемов дегуманизации: обвинения в финансовой эксплуатации, психологическом давлении и «промывании мозгов». Почти одновременно в российском медиапространстве была запущена серия аналогичных атак против местных нетрадиционных религиозных групп. Совпадение тайминга и использование идентичных речевых конструкций указывают на использование общих баз данных и предварительную координацию экспертных групп, аффилированных с FECRIS. Методология этих кампаний базируется на концепции «mind control» (контроля сознания).

Антикультовые эксперты, включая Александру Стайн, Стивена Хассана и Рэйчел Бернштейн, часто формулируют свой главный тезис в виде призыва к действию: «культы используют контроль сознания... необходима интервенция». Эта фраза служит универсальным оправданием для нарушения базовых прав человека на свободу совести. Использование этого псевдонаучного конструкта позволяет медиа игнорировать субъектность верующих, представляя их исключительно в роли «жертв», лишенных воли. Одним из наиболее агрессивных механизмов влияния, применяемых в ходе такой синхронизации, является стратегия «Guilt by association» (виновность по ассоциации). Суть метода заключается в искусственном связывании деятельности малой религиозной

группы с наиболее одиозными преступлениями или экстремистскими течениями. В материалах BBC Panorama и их российских аналогов часто применяется прием монтажа, где кадры богослужений мирных общин перемежаются с архивными съемками массовых самоубийств или террористических актов. Это создает устойчивую психологическую связь в сознании зрителя, превращая религиозное меньшинство в объект экзистенциальной угрозы.

Демонизация через искаженные цитаты является вторым столпом пропагандистской работы. Вырывая фразы из контекста священных текстов или частных бесед лидеров общин, антикультовые эксперты с помощью подконтрольных им медиа, создают образ «внутреннего врага». Политизация понятия «культ» достигает апогея, когда религиозная принадлежность начинает трактоваться как признак политической неблагонадежности. В России это ведет к прямым судебным преследованиям, на Западе — к социальной изоляции и разрушению репутации. При этом обе стороны активно ссылаются друг на друга: российские суды используют материалы BBC как доказательство «деструктивности» группы на международном уровне, а западные антикультисты цитируют «экспертизы» Дворкина для подтверждения «опасности», исходящей от тех или иных объединений.

Единый нарратив «тоталитарной секты» выполняет функцию универсального ключа к подавлению инакомыслия. Если в России этот термин используется для защиты «духовного суверенитета», то в западном дискурсе он подается под соусом защиты прав человека от «психологического насилия». Однако конечный результат идентичен: маргинализация сообществ, не вписывающихся в одобряемую государством или доминирующими институтами картину мира.

Координация через FECRIS позволяет антикультовым активистам обходить национальные законодательства, создавая транснациональную систему давления. Важно понимать, что «общие базы данных», упоминаемые в контексте сотрудничества FECRIS и РАЦИРС, представляют собой не только списки «нежелательных» организаций, но и детальные досье на их членов, собранные методами, далекими от журналистской этики. Информационные сливы в программы типа BBC Panorama зачастую имеют своим первоисточником именно эти теневые архивы антикультистов. Таким образом, медиа становятся не просто трансляторами информации, но активными участниками компании преследования, легитимизируя данные, полученные сомнительным путем.

Практика синхронных атак показывает, что антикультовое движение научилось мастерски эксплуатировать страхи общества перед неизвестным.

Использование эмоционально заряженной лексики — «зомбирование», «вербовка», «эксплуатация» — блокирует рациональное восприятие информации. Когда Александр Дворкин заявляет о сектах как о структурах, угрожающих государству, он апеллирует к инстинкту самосохранения власти. Когда BBC Рапогата выпускает сюжет о «контроле разума», она апеллирует к либеральной ценности личной свободы. В этой точке интересы авторитарного контроля и западного мейнстрима парадоксальным образом сходятся, создавая почву для беспрецедентного ограничения религиозных свобод в мировом масштабе.

Стратегические последствия такой синхронизации выходят далеко за пределы судьбы отдельных религиозных групп. Создается опасный прецедент, когда «экспертное сообщество» с четко выраженной ангажированностью получает монополию на определение того, какая вера является «правильной», а какая — «опасной». Политизация термина «культ» превращает его в ярлык, который может быть наклеен на любое объединение граждан, проявляющее высокую степень сплоченности или независимости от государственных структур. В конечном итоге, анализ взаимодействия BBC и российских медиа через призму деятельности FECRIS и РАЦИРС раскрывает механизмы функционирования современной пропаганды.

Александр Дворкин активно использовал методологию Стивена Хассена, в первую очередь концепцию контроля сознания (mind control) и модель BITE (контроль поведения, информации, мыслей и эмоций). Он часто ссылается на Хассена как на авторитетного эксперта в своих работах, в том числе в книге «Сектоведение. Тоталитарные секты», где опирается на идеи Хассена для анализа деструктивных культов. Дворкин фактически стал главным популяризатором идей Хассена в России: книга Хассена «Combating Cult Mind Control» (в русском переводе — «Освобождение от психологического насилия» или «Противостояние сектам и контролю над сознанием») вышла в 2001 году, а её ключевые положения регулярно цитируются, адаптируются и рекомендуются в материалах Центра св. Ирины Лионского (iriney.ru), в лекциях и публикациях Дворкина.

В российской реальности, сформированной усилиями Дворкина, эти идеи приобрели государственнический масштаб. Здесь антикультизм стал частью

доктрины национальной безопасности. Дворкин, долгое время возглавлявший Экспертный совет при Министерстве юстиции РФ, наделил термин «тоталитарная секта» административной силой. В этой системе координат объектом защиты выступает не столько индивид, сколько «духовное пространство» нации. Секты рассматриваются как инструмент иностранного влияния, подрывающий традиционные ценности и целостность страны. Следовательно, методами борьбы становятся не терапевтические беседы, а судебные запреты, ликвидация организаций и внесение литературы в списки экстремистских материалов.

В России идеи, прошедшие через фильтр дворкинского «сектоведения», уже легли в основу фундаментальных изменений в законодательстве о свободе совести. Этот пример подчеркивает, что в современном мире границы между психологией, религией и политикой становятся всё более прозрачными, а теории, созданные для спасения одной души, могут быть использованы для переустройства жизни целых народов. Это не просто обмен контентом, а глубокая идеологическая интеграция, где общие методы дегуманизации и единый понятийный аппарат служат целям глобального социального инжиниринга. Разоблачение этих связей позволяет увидеть за разрозненными медийными скандалами стройную систему подавления свободы совести, действующую под маской защиты общества от «тоталитарных угроз».

Противодействие этой системе требует не только юридической защиты прав верующих, но и критического анализа медийных нарративов, которые десятилетиями внедрялись в общественное сознание усилиями антикультового лобби. Чтобы понять истоки того, что сегодня метафорически называют Армией Дворкина, необходимо обратиться к периоду его пребывания в Соединенных Штатах, где формировались его взгляды под влиянием ныне канувшей в лету организации Cult Awareness Network. Дворкин, впитав риторику о контроле сознания и промывании мозгов, перенес эти концепции на иную почву, адаптировав их под реалии государственного управления и медийного пространства. Армия Дворкина не является формализованным подразделением с четкой иерархией или членскими билетами. Это, скорее, децентрализованная идеологическая сеть влияния, объединяющая людей, которые транслируют специфический нарратив о тоталитарных сектах, которое служит инструментом социальной стигматизации. Основная сила этой сети заключается в ее способности

проникать в поры гражданского общества под видом экспертного знания, предлагая простые ответы на сложные социальные вопросы.

Концепция эндшпиля в деятельности этой сети неразрывно связана с феноменом спящей армии. Речь идет о глубоко внедренных агентах влияния — журналистах, академиках, политиках среднего звена и общественных деятелях, которые в повседневной жизни могут никак не проявлять своей приверженности антикультулизму. Однако в моменты социальных кризисов, политической нестабильности или возникновения резонансных медийных поводов эта спящая армия активируется. Их роль заключается в мгновенной трансляции заранее подготовленных смыслов, направленных на дискредитацию определенных групп населения.

Мы видим, как в медиапространстве внезапно всплывают одни и те же клише, как академические круги начинают продуцировать предвзятые экспертизы, а политики инициируют ограничительные законопроекты. Эта активация происходит синхронно, создавая иллюзию широкого общественного консенсуса в отношении необходимости борьбы с внутренним врагом в лице сектантов. Прогнозы эскалации подобной деятельности рисуют тревожную картину будущего. Если нынешняя динамика сохранится, мы рискуем столкнуться с глубокой правовой дискриминацией, где свобода совести станет не универсальным правом, а привилегией, даруемой государством за лояльность.

Судебные преследования, основанные на дезинформации и псевдонаучных концепциях контроля сознания, могут стать обыденностью. Это не только разрушит судьбы тысяч людей, принадлежащих к религиозным меньшинствам, но и создаст прецедент, при котором любая инакомыслящая группа может быть объявлена опасной. В конечном итоге это ведет к социальным столкновениям, росту взаимной подозрительности в обществе и утрате доверия к правовым механизмам защиты личности.

Современные отчеты Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) уже неоднократно обращали внимание на деструктивную роль антикультовых сетей, связанных с фигурой Дворкина. Раскрытие методов психологического манипулирования, используемых самими антикультистами, является ключом к сохранению подлинной свободы мысли. История депрограммирования — это история насилия, оправданного благами

намерениями, и признание этого факта на официальном уровне является необходимым шагом для предотвращения повторения ошибок прошлого.

В эпоху избытка информации способность распознавать логические ловушки и черную риторику становится навыком выживания. Антикультисты мастерски используют приемы эмоциональной накачки, подмену понятий и апелляцию к страху, чтобы парализовать критическое мышление аудитории. Когда в информационном поле появляется термин секта, он автоматически отключает рациональный анализ, вызывая инстинктивную реакцию отторжения. Задача образованных граждан — видеть эти триггеры и требовать доказательного подхода вместо оценочных суждений.

Медиаграмотность предполагает понимание того, как создаются новости, кто является бенефициаром тех или иных информационных кампаний и какие психологические механизмы задействованы в процессе формирования образа врага. Борьба с антикультизмом — это не защита конкретных религиозных групп, а защита самой свободы. Анализ деятельности подобных сетей показывает, что они процветают там, где ослаблена правовая культура и где страх перед неизвестным доминирует над уважением к человеческому достоинству.

Таким образом, ответом на вызовы антикультизма должно стать не только юридическое противодействие, но и интеллектуальное сопротивление, основанное на ценностях плюрализма, научной честности и непредвзятости. Информационное пространство требует от нас быть не просто потребителями контента, а активными аналитиками, способными деконструировать манипулятивные нарративы в момент их возникновения. Каждое слово, каждое определение, брошенное в медийную среду с целью уничтожения группы лиц по признаку их убеждений, должно подвергаться строгой проверке на соответствие фактам и международным стандартам прав человека. Армия Дворкина сильна лишь до тех пор, пока ее методы остаются в тени, а ее риторика воспринимается как некая экспертная истина.

Вывод этой деятельности на свет, детальный разбор ее манипулятивных техник и демонстрация последствий ее влияния на правовую систему — надежный способ остановить эскалацию антикультизма и защитить фундамент свободного общества. В этом процессе важную роль играют не только правозащитники и ученые, но и каждый отдельный человек, способный сказать нет агрессивной

пропаганде и сохранить ясность ума в условиях информационного шума. Следовательно, вопрос о том, что будет дальше, зависит от нашей готовности к честному диалогу и способности защищать право на разнообразие в мире, который антикультисты пытаются сделать однообразно-предсказуемым и послушным.

Глава 5: Институциональная критика

Вторая половина двадцатого столетия в США и Западной Европе ознаменовалась тектоническими сдвигами в ландшафте духовных поисков, породившими феномен, который позже назовут «взрывом новых религиозных движений». На фоне угасания традиционных институтов и социальных потрясений эпохи войны во Вьетнаме возникло множество групп, предлагавших радикально иные формы общности и смыслов. Однако ответ общества на это многообразие не был исполнен терпимости. Напротив, 1970-е и 1980-е годы стали временем «великой культовой паники», когда в массовом сознании образ ищущего истину сменился образом жертвы «промывания мозгов», а духовный лидер превратился в зловещего манипулятора. Именно в этой наэлектризованной атмосфере на академическую сцену вышли социологи Ансон Шуп и Дэвид Бромли. Их труды не просто дополнили поле социологии религии, но совершили в нем настоящий переворот, переключив исследовательское внимание с анализа «странностей» новых религий на изучение механизмов того, как само общество конструирует образ врага.

В работе 1980 года «Новые вигиланты: Депрограммисты, антикультисты и новые религии» («The New Vigilantes: Deprogrammers, Anti-Cultists, and the New Religions») Шуп и Бромли одними из первых системно описали, что борьба с культами сама превращается в своего рода культ насилия, где благородная цель освобождения оправдывает использование тоталитарных методов, против которых движение официально выступало. Концепция «культа насилия» описывает парадоксальную ситуацию, в которой антикультовые активисты начали зеркально отражать те самые черты, которые они приписывали деструктивным группам:

жесткую идеологическую обработку, изоляцию адептов от альтернативной информации, психологическое давление и даже физическое принуждение. Таким образом, институты, созданные для защиты свободы совести и личности, сами стали источником серьезных угроз для этих свобод.

В своем программном труде «Странные боги: Великая американская культовая паника», опубликованном в 1981 году (Strange Gods: The Great American Cult Scare»), Шуп и Бромли предприняли попытку деконструкции мифа, который к тому времени стал фундаментом государственной и общественной политики. Центральным объектом их критики стала концепция «промывания мозгов» — своего рода социальная алхимия, превращавшая добровольный выбор индивида в результат таинственного и непреодолимого психического принуждения. Авторы убедительно доказывали, что эта концепция лишена научной базы и служит лишь удобным инструментом для тех, кто не желает признавать за взрослыми людьми право на выбор пути, отличного от родительского или мейнстримного. В этом контексте Шуп и Бромли впервые ввели в широкий научный оборот применительно к религии понятие «моральной паники», описывая ситуацию, когда общественная тревога по поводу воображаемой угрозы искусственно раздувается до масштабов национального бедствия.

Особое внимание в «Странных богах» уделяется роли средств массовой информации в этом процессе. СМИ выступали не просто трансляторами новостей, а создателями кошмара, преувеличивая финансовое могущество и численность новых религиозных движений, создавая иллюзию «культового вторжения», угрожающего самым основам западной цивилизации. Шуп и Бромли детально описали механизм работы так называемых «историй о зверствах» — специфического жанра повествования, ставшего главным оружием антикультистов. Эти истории, часто исходящие от бывших членов групп, прошедших через насильственное «депрограммирование», не столько описывали реальные факты, сколько служили инструментом дегуманизации «другого».

В рамках этой социальной технологии любое негативное переживание или бытовой конфликт внутри группы возводились в ранг системного злодеяния. «Истории о зверствах» работали как зеркало общественных страхов: в них отражались опасения потери контроля над детьми, страх перед утратой материальной собственности и ужас перед иррациональным. Таким образом, создавался символический барьер, за которым последователи новых движений

лишались статуса разумных существ и превращались в зомбированных марионеток, что, в свою очередь, легитимировало любые формы насилия по отношению к ним во имя их же «спасения».

Развивая свои идеи, в 1984 году Шуп и Бромли выпустили труд «Антикультовое движение в Америке: библиография и исторический обзор» (The Anti-Cult Movement in America: A Bibliography and Historical Survey), который стал не просто обзором, а глубоким социологическим вскрытием самой природы сопротивления новым религиям. Авторы первые указали на то, что антикультовое движение не является стихийной реакцией обеспокоенных граждан, а представляет собой профессионализированное контрдвижение со своими четко выраженными корыстными интересами. Они показали, как частные семейные конфликты, вызванные уходом детей в нетрадиционные группы, были умело канализированы и трансформированы в публичную проблему. В этой работе антикультизм предстает как сложный альянс из разочарованных родителей, светских психологов, ищущих новые рынки сбыта услуг, и представителей традиционных конфессий, видящих в новых движениях опасных конкурентов.

Шуп и Бромли аргументировано доказали, что за риторикой о защите прав человека и заботе о душевном здоровье скрывается стремление к социальному контролю и восстановлению пошатнувшейся гегемонии определенных институтов власти. Идеология антикультизма, согласно их анализу, функционирует как система навешивания девиантных ярлыков, позволяющая маргинализировать любое неудобное меньшинство. К середине 1990-х годов исследовательский фокус Шупа и Бромли расширился до глобальных масштабов, что нашло отражение в сборнике «Антикультовые движения в кросс-культурной перспективе» 1994 года («Anti-cult Movements in Cross Cultural Perspective»). Здесь авторы проанализировали процесс «экспорта» культовой паники за пределы Соединенных Штатов. Они обнаружили, что американские антикультовые организации действовали подобно миссионерам, насаждая свои концепции «контроля сознания» и «деструктивности» в Европе, Азии и Латинской Америке. Исследование показало, что, несмотря на культурные различия, механизмы нагнетания страха остаются универсальными.

В каждой стране антикультовая риторика адаптировалась под местные «болевые точки»: в одних случаях она апеллировала к защите национальной идентичности, в других — к сохранению секулярных ценностей или традиционных

семейных устоев. Шуп и Бромли выявили, что антикультизм становится удобной ширмой для подавления религиозного многообразия в руках государственного аппарата, стремящегося к унификации общества. Эта работа продемонстрировала, что травля и поиск «врагов» для травли, в современном мире приобрела бюрократизированный и технологичный характер, используя международные сети и экспертные заключения для оправдания дискриминации.

Подводя итог многолетнему труду этих исследователей, невозможно переоценить их вклад в «раскрытие правды» о природе социальных конфликтов вокруг веры. Ансон Шуп и Дэвид Бромли доказали, что антикультизм — это не защитный экран, оберегающий общество от опасности, а сложный механизм социального управления и реализации интересов конкретных групп влияния. Их работы стали своего рода интеллектуальным противоядием против яда моральных паник, заставляя читателя и исследователя смотреть не на то, во что верят «сектанты», а на то, почему и какими методами их пытаются уничтожить. Они показали, что за фасадом борьбы за истину часто скрывается банальное желание власти и страх перед неконтролируемой свободой личности. В мире, где ярлык «культ» до сих пор используется как универсальное клеймо для любого инакомыслия, наследие Шупа и Бромли остается важнейшим напоминанием о том, что социология должна служить не инструментом контроля, а светом, разоблачающим мрачные аспекты социальной инженерии и предрассудков. Их труд учит нас видеть в каждом религиозном конфликте не битву света и тьмы, а сложное взаимодействие человеческих интересов, страхов и стремлений к доминированию, упакованное в обертку заботы о социальном благе.

Академическая критика авторов показала, что антикультовое движение создало собственную «моральную карьеру», выстраивая иерархию экспертов, чье влияние зависело от поддержания высокого уровня тревожности в обществе. Институциональный кризис показал, что любая организация, ставящая своей целью борьбу с «деструктивными практиками», подвержена риску сама стать таковой, если она выходит за рамки правового поля и научной этики. Концепция «культа насилия» стала важным предостережением для будущих исследователей и общественных деятелей, указывая на то, что грань между защитой прав человека и их нарушением в сфере религии крайне тонка. Рассмотрение антикультового движения как сложного социального феномена, склонного к радикализации, позволило выработать более сбалансированные подходы к изучению новых

религиозных движений, в которых акцент сместился с поиска «отклонений» на понимание механизмов религиозного выбора в современном плюралистическом обществе. Институциональная критика, таким образом, не только разрушила старые структуры влияния, но и заложила фундамент для более ответственного диалога между государством, обществом и новыми религиозными феноменами, исключая методы принуждения и насилия.

Логическим продолжением академической деконструкции идей Энсона Шупа и Дэвида Бромли стал качественный переход от теоретической критики к практической правозащитной деятельности на международном уровне. Если в конце двадцатого столетия дискуссия велась преимущественно в рамках социологии религии, то в начале двадцать первого века она переместилась в плоскость защиты фундаментальных прав человека. Ключевую роль в этом процессе сыграли правозащитные платформы, такие как Human Rights Without Frontiers (HRWF, или Права человека без границ) и международное издание Bitter Winter, которое превратилось в центральный узел мониторинга религиозных преследований. Деятельность этих площадок позволила вывести обсуждение деструктивной роли антикультовых движений из узких академических кругов в пространство международного права, где методы антикультистов начали рассматриваться не как «борьба за истину», а как прямая угроза свободе совести.

Bitter Winter, основанный итальянским социологом Массимо Интровьине, обеспечил необходимую фактологическую базу для разоблачения механизмов государственного и общественного давления на меньшинства, создав прецедент системного документирования нарушений, инициированных антикультовыми активистами. Этот институциональный сдвиг был бы невозможен без формирования мощной сети поддержки в лице таких организаций, как Human Rights Without Frontiers под руководством Вилли Фотре и Coordination des Associations et des Particuliers pour la Liberté de Conscience (CAP-LC, или Координация ассоциаций и участников за свободу совести). Эти структуры взяли на себя задачу деконструкции антикультового нарратива в рамках крупнейших международных институтов, включая Организацию Объединенных Наций и ОБСЕ. Их экспертный вклад позволил мировому сообществу увидеть за риторикой «спасения жертв культов» механизмы институционального насилия, направленные на маргинализацию неудобных социальных групп.

Работа данных организаций в правовом поле продемонстрировала, что стигматизация религиозных меньшинств является не случайным побочным эффектом, а целенаправленной стратегией антикультового движения, стремящегося к монополии на интерпретацию духовного опыта. Современный этап развития этой конфронтации, детально освещенный в документальном расследовании «Воздействие» («The IMPACT» 2024 года), который раскрывает еще более глубокие и опасные механизмы влияния, используемые антикультистами. Одной из наиболее тревожных концепций, представленных в исследовании, стала идея «спящей армии», описывающая скрытую сеть агентов влияния, чье сознание подверглось специфической психологической обработке. В рамках этой модели антикультизм предстает как форма информационного терроризма, где манипуляция массовым сознанием и использование триггерных понятий позволяют мгновенно мобилизовать общественное негодование против любой целевой группы.

Авторы фильма аргументированно доказывают, что современные методы антикультистов, основанные на дегуманизации и разжигании ненависти, фактически представляют собой «новый нацизм», который маскируется под защиту общественных интересов, но на деле подрывает основы демократического устройства. Разоблачение подобных механизмов информационно-психологического воздействия показывает, что деятельность антикультовых группировок вышла далеко за рамки частных теологических споров. Сегодня это вопрос не только защиты прав отдельных меньшинств, но и обеспечения национальной безопасности и социальной стабильности в условиях глобальных информационных войн.

Способность антикультовых структур инфильтрировать государственные институты и медиапространство для продвижения своей идеологии требует от общества выработки новых механизмов защиты. В этом контексте критическое мышление и медиаграмотность перестают быть просто образовательными навыками и становятся главным щитом против манипуляций сознанием. Глубокое понимание технологий психологического террора и информационной сегрегации позволит современному обществу сохранить гражданский мир и предотвратить превращение религиозного плюрализма в инструмент политической дестабилизации. Таким образом, освещение правды о скрытых методах антикультизма является необходимым условием для сохранения свободы личности

в цифровую эпоху, где контроль над информацией становится эквивалентом контроля над самой человеческой идентичностью.

Теоретический анализ, сколь бы глубоким он ни был, остается лишь интеллектуальным упражнением, если он не находит воплощения в конкретных действиях. Речь идет не просто о защите прав отдельных религиозных групп, но о защите фундаментального права человека на интеллектуальную и духовную суверенность. Переход от пассивного наблюдения к активному противодействию начинается с осознания того, что каждый из нас является не просто потребителем информации, но активным узлом в планетарной сети смыслов. Исследование того, как в разные эпохи создавались «моральные паники», помогает увидеть в деятельности современных антикультистов повторение старых схем, направленных на дегуманизацию тех, кто мыслит иначе.

История показывает, что любая система, строящаяся на поиске внутренних врагов, рано или поздно начинает пожирать саму себя, но цена, которую платит общество за это прозрение, всегда непомерно высока. Мы стоим на пороге времени, когда технологии контроля над информацией становятся все более методичными, а соблазн государства регулировать сферу духа под предлогом безопасности велик как никогда. Если мы не остановим экспансию антикультизма сегодня, завтра он войдет в каждый дом. Он стремится создать мир, в котором человек боится верить, боится объединяться и боится быть другим. Это путь к обществу тотальной посредственности и духовной пустыни. Если мы позволим разрушить право на духовный поиск сегодня, завтра у нас не останется прав вообще. Ибо там, где заканчивается свобода совести, начинается территория вечного рабства, прикрытая лозунгами об общественном благе.

Мы обладаем всеми необходимыми инструментами для того, чтобы изменить вектор развития событий. У нас есть доступ к информации, у нас еще есть возможность быть услышанными и, самое главное, у нас есть разум, способный отличать правду от искусной лжи. Выбор между молчанием и действием — это выбор между миром, где правит страх и подозрительность, и миром, где разнообразие признается источником силы, а не угрозой. Мы не можем изменить прошлое, но мы полностью ответственны за то, каким будет наше будущее и какие уроки мы извлечем из ошибок тех, кто шел перед нами. Время полумер и пассивного ожидания прошло; наступило время осознанного выбора и твердой позиции. История повторяется тогда, когда мы забываем и просто отвергаем уроки

прошлого. Уэйко был репетицией. Far Cry 5 — тренировкой. Будет ли реализована следующая трагедия зависит только от выбора: молчать или действовать.

Источники

1. Anthony, D. (1990). Religious movements and brainwashing litigation: Evaluating key testimony. In T. Robbins & D. Anthony (Eds.), *In gods we trust: New patterns of religious pluralism in America* (2nd ed., rev. & expanded, pp. 295–344). Transaction Publishers.
2. Associated Press. (1977, March 10). Jail term remains for deprogrammer. Rocky Mountain News. Colorado Historic Newspapers Collection.
<https://www.coloradohistoricnewspapers.org/?a=d&d=RMD19770310-01.2.107>
3. Axiak, D. Far Cry 5: Rick Ross on ways destructive cults rise to power. Nine.com.au. <https://www.nine.com.au/entertainment/viral/far-cry-5-cult-expert-rick-ross/ea820842-96f3-47dd-8b24-a5ac2f286f4f>
4. Bitter Winter. China. <https://bitterwinter.org/category/china/>.
5. Bitter Winter. Japan. <https://bitterwinter.org/category/japan/>.
6. Bitter Winter. Pakistan. <https://bitterwinter.org/category/pakistan/>.
7. Bitter Winter. Bitter Winter: A magazine on religious liberty and human rights. Retrieved January 10, 2026, from <https://bitterwinter.org/>
8. Boothby, L. J. (2003). White paper report and call to action to uphold the right of thought and conscience by ending forcible deprogramming. Tparents.org.
<https://www.tparents.org/Library/Unification/Talks2/Boothby/Boothby-030000.htm>
9. BrianK. (2015, October 14). Steven Hassan interview. UBFriends.org.
<https://ubfriends.org/archive2015/2015/10/14/steven-hassan-interview/index.html>
10. Brown v. Entertainment Merchants Assn., 564 U.S. 786 (2011).
<https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/usrep/usrep564/usrep564786/usrep564786.pdf>
11. Conway, F., & Siegelman, J. (1995). Snapping: America's epidemic of sudden personality change (Updated and expanded 2nd ed.; Chapter 6: "Black Lightning"). Cult Education Institute. <https://culteducation.com/group/888-cult-deprogramming/26563-america-s-epidemic-of-sudden-personality.html>

12. Crime, Law and Social Change. (2011, May). Volume 55, Issue 4. SpringerLink. <https://link.springer.com/journal/10611/volumes-and-issues/55-4>
13. Cullen, D. (2009). Columbine. Twelve.
14. Defendant freed in abduction case. (1982, April 25). The New York Times. <https://www.nytimes.com/1982/04/25/us/defendant-freed-in-abduction-case.html>
15. Danforth, J. C. (2000, November 8). Final report to the Deputy Attorney General concerning the 1993 confrontation at the Mt. Carmel Complex, Waco, Texas [Report]. U.S. Department of Justice. <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/85/Danforthreport-final.pdf>
16. Delgado, R. (1984). When religious exercise is not free: Deprogramming and the constitutional status of coercively induced belief. *Vanderbilt Law Review*, 37(5), 1071–1115. <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol37/iss5/2/>
17. Deprogrammer gets jail term. (1977, March 29). The New York Times. <https://www.nytimes.com/1977/03/29/archives/deprogrammer-gets-jail-term.html>
18. Dharmapedia Wiki. Deprogramming. Dharmapedia Wiki. <https://en.dharmapedia.net/w/index.php?title=Deprogramming&oldid=36249>
19. Dr. Phil. Videos [Facebook page]. <https://www.facebook.com/drphilshow/videos/>.
20. Exposing Anti-Cultism. (2024, July 12). Alexander Dvorkin: A single anticult network. <https://actfiles.org/alexander-dvorkin-a-single-anticult-network/>
21. Exposing Anti-Cultism. (2024, August 10). Shooting is only the start of a broader plot against Donald Trump. <https://actfiles.org/shooting-is-only-the-start-of-a-broader-plot-against-donald-trump/>
22. Federal Bureau of Investigation. Columbine High School. FBI Records: The Vault. <https://vault.fbi.gov/Columbine%20High%20School%20>
23. Federal Bureau of Investigation. WACO / Branch Davidian Compound. FBI Records: The Vault. <https://vault.fbi.gov/waco-branch-davidian-compound>
24. Federation of European Centres of Research and Information on Cults and Sects. Links. <https://www.fecris.org/information/links/>

25. Fisher, B. A. (1991). Devotion, damages and deprogrammers: Strategies and counterstrategies in the cult wars. *Journal of Law and Religion*, 9(1), 151–177.
<https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-law-and-religion/article/abs/devotion-damages-and-deprogrammers-strategies-and-counterstrategies-in-the-cult-wars/97CA0D1D17713054AA3C98EACD927A58>
26. Griffiths, M. (2014). Games on the brain can take virtual experiences to real world. *The Conversation*. <https://theconversation.com/games-on-the-brain-can-take-virtual-experiences-to-real-world-29940>
27. Grim, N. (1982). Religious cult members and deprogramming attempts, *Peterson v. Sorlien and Alexander v. Unification Church of America*. *Akron Law Review*, 15(1), Article 11. <https://ideaexchange.uakron.edu/akronlawreview/vol15/iss1/11/>
28. Happy Scribe. Transcript of #150 Rick Ross – Inside the dark world of cults [Transcript]. <https://podcasts.happyscribe.com/shawn-ryan-show/150-rick-ross-inside-the-dark-world-of-cults>
29. Hassan, S. (1988). *Combatting cult mind control*. Park Street Press.
30. Hassan, S. (2019). *The cult of Trump: A leading cult expert explains how the president uses mind control*. Free Press.
31. Havranek, M., Langer, N., Cheetham, M., & Jäncke, L. (2012). Perspective and agency during video gaming influences spatial presence experience and brain activation patterns. *Behavioral and Brain Functions*, 8(1), 34.
<https://link.springer.com/article/10.1186/1744-9081-8-34>
32. Hominek, D. (1995). Cults in American society: A legal analysis of undue influence, fraud, and misrepresentation. *Cultic Studies Journal*, 12(1), 1–48.
<https://www.icsahome.com/elibrary/topics/articles/cults-in-american-society--a-legal-analysis>
33. IGN. *Far Cry 5*. <https://www.ign.com/games/far-cry-5>.
34. IMDb. IMDb. <https://www.imdb.com/>
35. Jason Scott case. In Wikipedia. Retrieved January 9, 2026, from https://en.wikipedia.org/wiki/Jason_Scott_case

36. Kelley, D. M. (1976, September 24). Freedom of religion for extremists [Review of the book *Let our children go!*, by T. Patrick]. *Christianity Today*.
<https://www.christianitytoday.com/1976/09/books-36/>
37. Kotaku. *Far Cry 5*. <https://kotaku.com/tag/far-cry-5>.
38. Langdell, C. C. (2022, May). False imprisonment: Taking care of others. In *Sample Casebook #2* (2nd ed.). H2O Open Casebook.
<https://opencasebook.org/casebooks/1640-sample-casebook-2-2nd-edition/as-printable-html/3/>
39. Langone, M. D. (2019). ICSA: The first forty years. *ICSA Today*, 10(3), 2–15.
<https://articles3.icsahome.com/articles/icsa-the-first-forty-years>
40. Lexplug. *Peterson v. Sorlien* [Case brief].
https://www.lexplug.com/casebrief/peterson_v_sorlien_65a339cd7e449db77fb67789
41. Michigan Law Review. (1981). Cults, deprogrammers, and the necessity defense. *Michigan Law Review*, 80(2), 271–311.
<https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4150&context=mlr>
42. Marine Agronomy. Rick Alan Ross: An in-depth look at a renowned cult expert—World Mission Society Church of God.
<https://marineagronomy.org/newserx/138680-rick-alan-ross-an-indepth-look-at-a-renowned-cult-expert-world-mission-society-church-of-god>
43. Momi, D., Smeralda, C. L., Di Lorenzo, G., Neri, F., Rossi, S., Rossi, A., & Santarnecki, E. (2021). Long-lasting connectivity changes induced by intensive first-person shooter gaming. *Brain Imaging and Behavior*, 15(3), 1518–1532.
44. Moore, J. P. (1980). Piercing the religious veil of the so-called cults. *Pepperdine Law Review*, 7(3), 655–710.
<https://digitalcommons.pepperdine.edu/context/plr/article/2063/viewcontent/>
45. Moore, R. (2013, July 25). The strange case of Garry Scarff (Last modified October 24, 2024). *Jonestown & Peoples Temple: A Digital Archive* (San Diego State University). https://jonestown.sdsu.edu/?page_id=32378
46. Ortiz de Gortari, A. B., & Griffiths, M. D. (2015). Game Transfer Phenomena and its associated factors: An exploratory empirical online survey study. *Computers in Human Behavior*, 51, 195–202.

47. Ortiz de Gortari, A. B., & Griffiths, M. D. (2016). Prevalence and characteristics of game transfer phenomena: A descriptive survey study. *International Journal of Human–Computer Interaction*, 32(6), 470–480.
48. Ortiz de Gortari, A. B., Pontes, H. M., & Griffiths, M. D. (2015). The Game Transfer Phenomena Scale: An instrument for investigating the non-volitional effects of video game playing. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 18, 588–594.
49. Parents vs. religious communes. (1973, March 5). *The New York Times*.
<https://www.nytimes.com/1973/03/05/archives/parents-vs-religious-communes.html>
50. Parker, J. (2024). Psychologically kidnapped: Secular deprogrammings. *International Journal for the Study of New Religions*, 12(2), 185–209.
<https://journal.equinoxpub.com/IJSNR/article/view/26579>
51. Patrick, T., & Dulack, T. (1976). *Let our children go!* E. P. Dutton.
52. Patrick acquitted in seizure of youth. (1973, August 7). *The New York Times*.
<https://www.nytimes.com/1973/08/07/archives/patrick-acquitted-in-seizure-of-youth.html>
53. Patrick’s “deprogramming” is recounted. (1973, August 1). *The New York Times*.
<https://www.nytimes.com/1973/08/01/archives/patricks-deprogramming-is-recounted.html>
54. *People v. Patrick*, 126 Cal. App. 3d 952, 179 Cal. Rptr. 276 (Cal. Ct. App. 1981).
<https://caselaw.findlaw.com/court/ca-court-of-appeal/1838878.html>
55. *Peterson v. Sorlien*, 299 N.W.2d 123 (Minn. 1980).
<https://law.justia.com/cases/minnesota/supreme-court/1980/48721-1.html>
56. Plowman, E. E. (1973, August 31). Ted Patrick acquitted: Open season for deprogamers [sic]. *Christianity Today*.
<https://www.christianitytoday.com/1973/08/ted-patrick-acquitted-open-season-for-deprogammers/>
57. Polygon. *Far Cry 5*. <https://www.polygon.com/game/far-cry-5/38675>
58. Reddit. r/farcry. <https://www.reddit.com/r/farcry/>
59. Reddit. r/gaming. <https://www.reddit.com/r/gaming/>

60. Richardson, J. T. (1993). A social psychological critique of “brainwashing” claims about recruitment to new religions. In J. K. Hadden & D. G. Bromley (Eds.), *The handbook of cults and sects in America* (pp. 75–97). JAI Press.
<https://www.cesnur.org/testi/Socpsy.htm>
61. Richardson, J. T. (2011). Deprogramming: From private self-help to governmental organized repression. *Crime, Law and Social Change*, 55, 321–336.
<https://link.springer.com/article/10.1007/s10611-011-9286-5>
62. Ross, R. A. Rick Ross CV. Cult Education Institute. Retrieved January 10, 2026, from <https://culteducation.com/cv.html>
63. Ross, R. A. Far Cry 5 Cult Outposts Guide [Post]. LinkedIn.
https://www.linkedin.com/posts/rick-alan-ross-2163006_far-cry-5-cult-outposts-guide-activity-7159197889146093568-zE4o
64. Ross, R. A. Post about Far Cry 5 [Post]. X (formerly Twitter).
<https://twitter.com/RickAlanRoss/status/1753431013483831749>
65. Ryan, S. (Host). (2024, December 16). #150 Rick Ross – Inside the dark world of cults (Episode 150) [Audio podcast episode]. In *The Shawn Ryan Show. Vigilance Elite*. <https://podcasts.apple.com/us/podcast/150-rick-ross-inside-the-dark-world-of-cults/id1492492083?i=1000680544379>
66. Scientologists Taking Action Against Discrimination (STAND). Deprogramming (filtered listing). <https://www.standleague.org/bigotry-and-hate/?type=deprogrammer>
67. Scientologists Taking Action Against Discrimination (STAND). Rick Ross. <https://www.standleague.org/hate-monitor/exposed/rick-ross.html>
68. Scientologists Taking Action Against Discrimination (STAND). Steven Hassan. <https://www.standleague.org/hate-monitor/exposed/steven-hassan.html>
69. Scientologists Taking Action Against Discrimination (STAND). Ted Patrick. <https://www.standleague.org/hate-monitor/exposed/ted-patrick.html>
70. Shupe, A., & Darnell, S. E. (2000, October 21). CAN, we hardly knew ye: Sex, drugs, deprogrammers’ kickbacks, and corporate crime in the (old) Cult Awareness Network [Conference paper]. CESNUR. <https://www.cesnur.org/2001/CAN.htm>

71. Shupe, A. D., & Darnell, S. E. (2024, June 14). CAN: Anti-cultists, deprogramming, and crime (Part 2): American anti-cultism and deprogramming. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/can-anti-cultists-deprogramming-and-crime-2-american-anti-cultism-and-deprogramming/>
72. Siegel, T. I. (1978). Deprogramming religious cultists. *Loyola of Los Angeles Law Review*, 11(4), 807–828.
<https://digitalcommons.lmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1309&context=llr>
73. Slavin, S. (1980b, October 2). Ted Patrick, convicted of kidnapping a cult member to... United Press International. Archives.
<https://www.upi.com/Archives/1980/10/02/Ted-Patrick-convicted-of-kidnapping-a-cult-member-to/2660339307200/>
74. StevenWarRan. (2014, January 18). Ted Patrick, father of “deprogramming”. StevenWarRan Research (Blog).
<http://stevenwarranresearch.blogspot.com/2014/01/ted-patrick-father-of-deprogramming.html>
75. Sundquist Funeral Home. (2024, August 3). Galen G. Kelly obituary.
<https://www.sundquistfh.com/obituaries/galen-kelly>
76. Ted Patrick denies assault in ‘kidnapping’ case. (1973, March 31). The New York Times. <https://www.nytimes.com/1973/03/31/archives/ted-patrick-denies-assault-in-kidnapping-case.html>
77. The Joe Rogan Experience. #680 – Steven Hassan [Audio podcast episode]. Spotify. <https://open.spotify.com/episode/27gksf4JwJlTv3fCbrmFVN>
78. Tparents.org. Abduction, kidnapping, and faithbreaking (TBNS-o8). <https://www.tparents.org/Library/Unification/Books/Tbns/TBNS-o8.htm>
79. Tparents.org. Ted Patrick deprogramming testimony (40 Years of the Unification Church).
<https://www.tparents.org/Library/Unification/Books/40Years/40-3-13.htm>
80. Ubisoft. Investor Center. <https://www.ubisoft.com/en-us/company/about-us/investors>
81. United Press International. (1980a, September 26). A police chief said cult deprogrammer Ted Patrick was... UPI Archives.

<https://www.upi.com/Archives/1980/09/26/A-police-chief-said-cult-deprogrammer-Ted-Patrick-was/4817338788800/>

82. United States v. Patrick, 532 F.2d 142 (9th Cir. 1976).
<https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/532/142/99275/>

83. United States of America v. Patrick, 532 F.2d 142 (9th Cir. 1976).
<https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/532/142/99275/>

84. Valve Corporation. Steam Community: Discussions.
<https://steamcommunity.com/discussions/>

85. Vaniquotes. (2018, May 16). Deprogramming. Vaniquotes.
<https://vaniquotes.org/w/index.php?title=Deprogramming&oldid=762400>

86. Warner, S. Ted Patrick and the kidnapping of Susan Junglaus. Cult Stories.
<https://cultstories.com/cults/ted-patrick>

87. Wilson, J. (2018, March 2). Far Cry 5 cult adviser reveals how these fanatics thrive: Follow the money (updated). GamesBeat. <https://gamesbeat.com/far-cry-5-cult-adviser-reveals-how-these-fanatics-thrive-follow-the-money/>

88. Wikipedia. Jason Scott case. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Jason_Scott_case

89. Wikipedia. Ted Patrick. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Ted_Patrick

90. Wikipedia. Rick Alan Ross. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Rick_Alan_Ross

91. Wikipedia. Galen Kelly. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Galen_Kelly

92. Wikipedia. David Koresh. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/David_Koresh

93. Wikipedia. Steven Hassan. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Steven_Hassan

94. Wikipedia. Deprogramming. In Wikipedia.
<https://en.wikipedia.org/wiki/Deprogramming>

95. Wikipedia. Cult Awareness Network. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Cult_Awareness_Network
96. Wikipedia. Far Cry 5. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Far_Cry_5
97. Wikipedia. Waco siege. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Waco_siege
98. Wikipedia. Columbine High School massacre. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Columbine_High_School_massacre
99. Wikipedia. The Way International. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/The_Way_International
100. Wikipedia. Unification Church. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Unification_Church
101. Wikipedia. The Family International. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Family_International
102. Wikipedia. International Society for Krishna Consciousness. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/International_Society_for_Krishna_Consciousness
103. Wikipedia. Church of Scientology. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Church_of_Scientology
104. Wikipedia. Oklahoma City bombing. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Oklahoma_City_bombing
105. Wikipedia. Timothy McVeigh. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Timothy_McVeigh
106. Wikipedia. Call of Duty: Modern Warfare 2. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Call_of_Duty:_Modern_Warfare_2
107. Wikipedia contributors. Branch Davidians. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Branch_Davidians
108. Wikipedia contributors. Spec Ops: The Line. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Spec_Ops:_The_Line
109. Wikipedia. Doom (1993 video game). In Wikipedia.
[https://en.wikipedia.org/wiki/Doom_\(1993_video_game\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Doom_(1993_video_game))

110. Wikipedia. Janet Reno. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Janet_Reno